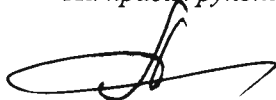

0-778731

На правах рукописи

Тихонов Анатолий Сергеевич

**ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОСТИ
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ДУШИ И ТЕЛА**

Специальность 09.00.01 — онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Чебоксары 2009

Работа выполнена на кафедре философии и методологии науки
ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Феизов Энвер Зиятдинович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Маслихин Александр Витальевич

доктор философских наук, профессор
Борисова Елена Рафаиловна

доктор медицинских наук, профессор
Николаев Евгений Львович

Ведущая организация: Федеральное государственное образователь-
ное учреждение высшего профессионального образования «Чувашская
государственная сельскохозяйственная академия»

Защита состоится 2 октября 2009 года в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.301.04 в ФГОУ ВПО «Чувашский го-
сударственный университет имени И. Н. Ульянова» по адресу:
г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38а, корп. III, зал ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГОУ
ВПО «Чувашский государственный университет имени
И. Н. Ульянова».

Автореферат разослан «31» октября 2009 года

Ученый секретарь
диссертационного совет
кандидат философских н

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547988

Степанов А.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы исследования. Проблема взаимодействия духовного и материального, психического и телесного является одной из древнейших проблем. Она представляет собой составную часть всякого философского мировоззрения, основного философского вопроса об отношении сознания к бытию.

История знает много форм решения этой проблемы. Среди них главными являются материалистическая и идеалистическая. История разрешения этой проблемы есть история борьбы между материализмом и идеализмом, монизмом и дуализмом. В работе дано краткое освещение истории основного вопроса философии (об отношении духа и тела), истории борьбы между двумя принципиально разными течениями в философии.

Исследование подчинено задачам раскрытия внутренних «механизмов» воздействия духовного на телесное, психического на материальную жизнедеятельность организма.

Между духовным и телесным происходит *взаимодействие*, а не только воздействие одного на другое. История философии и медицины показывает, что острой проблемой в этом взаимодействии является именно *воздействие*.

Для научного понимания «силы воздействия духа на тело» необходимо реконструировать понятие духа, приводя его в соответствие с причинностью, освещаемой на современном этапе развития фундаментальной науки. С этой целью значительное внимание в работе уделяется проблеме взаимоотношения психики и мозга.

Актуальность исследуемой проблемы продиктован теоретическим конфликтом, сложившимся между медицинской практикой и философской теорией, постулирующей фундаментальную демаркацию между духовными и телесными реальностями. Сложилась довольно парадоксальная ситуация во взаимоотношениях между медицинской психологией и догмами философского дуализма: первая обосновывает и доказывает, ссылаясь на практические наблюдения и эксперименты, эмпирическую достоверность воздействия души на тело как «сила на силу». Многие философские течения, в том числе и диамат, оставаясь на позиции нематериальности души, не признавали причинную связь между духовными и телесными реальностями. Как правило, философы закрывали глаза на реальные медицинские факты, прикрываясь постулатом: «нематериальное не может быть причиной материального, ибо между ними нет никаких точек соприкосновения». Более радикальные философы, особенно из числа диаматчиков, пытались выйти из положения путем неоправданной деформации философских категорий и положений.

* Так как проблема имеет длинную историю, автор вынужден, хотя бы кратко, освещать не только новые, но и старые литературные источники, особенно советского периода.

В последние годы научная общественность страны четко и ясно осознала актуальность проблемы здорового образа жизни на общегосударственном уровне. Разумеется, что эта проблема, главным образом, имеет прямое медицинское назначение. Однако при ближайшем рассмотрении задача, поставленная Правительством России, не исчерпывается ее медицинским освещением и практическим воплощением в жизнь страны. Проблема многогранна. В ее решение должны быть вовлечены целый комплекс научно-исследовательских программ. Кроме медико-биологического подхода, проблема нуждается в глубоком изучении социальных ее аспектов. Здоровье обеспечивается не только нормальным физиологическим функционированием организма. Человек характеризуется широким спектром духовного образа жизни, способами оказать существенное влияние на здоровье.

Решение таких масштабных практических задач требует серьезного философско-теоретического исследования.

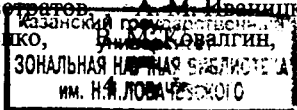
Во имя сохранения «чистоты» теоретических доктрин философы, имея права идеологического давления, сделали все, чтобы умолчать о реальных фактах, доказывающих силу духовного воздействия на тело.

Так как философская общественность мало или совсем не осведомлена в подобных фактах, автор счел необходимым познакомить читателя данными медицины, оставшиеся в свое время за кулисами идеологического прессы.

Степень разработанности проблемы. Проблема души и тела представляла живой интерес философов с древнейших времен. В диссертации историческим истокам посвящена первая глава. Главным образом в ней представлена история материалистического решения основного вопроса философии. Имена выдающихся философов озвучены в специальном параграфе первой главы. Так как тема данной работы посвящена, во-первых, истории решения проблемы в отечественной философии применительно к освещению методологических основ медицины, психологии и физиологии, и, во-вторых, истории становления нейронауки в плане реформирования ее концептуальных положений, пригодных к решению «парадокса», вызванного совмещением двух «несовместимых» определений — идеальности и причинно-действенности психики.

В более узком плане диссертация посвящена анализу методологической дискуссии в отечественной философии и биологии, развернувшейся после сессии двух академий: Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, состоявшейся в 1950 г. Казалось бы, дискуссия ушла далеко в историю, но она представляет живой интерес не только в историческом плане, но и в плане необходимости возврата к теоретическим проблемам, не получившим удовлетворительного решения в годы тоталитарного режима.

В дискуссии, не получившей своего теоретического завершения, участвовали: В. М. Архипов, А. В. Антонов, Н. П. Антонов, Е. И. Бойко, Б. В. Беляев, А. В. Булыгин, Л. М. Веккер, С. И. Гальперин, Ф. И. Георгиев, Д. И. Дубровский, В. Д. Евстратов, А. М. Иванюцкий, Э. В. Ильенков, Ф. Ф. Кальсин, В. Ф. Кивелев, В. М. Ковалгин, В. Н. Колбановский,

Л. П. Кузьмина, В. Н. Куликов, М. П. Лебедев, В. А. Лекторский, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. И. Мальцев, Н. В. Медведев, Ф. Г. Михайлов, Д. Л. Мишахин, М. Р. Моченович, В. Н. Мясичев, В. В. Орлов, П. М. Рубинштейн, С. Л. Рубинштейн, Е. Н. Соколов, В. Г. Спиркин, Э. З. Феизов, М. А. Хромов, В. Н. Чекалин, Е. В. Шорохова и др.

После сессии двух академий – Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР – развернулась острая дискуссия по проблеме взаимосвязи психических явлений с физиологическими процессами, происходящими в мозгу человека. Многие участники дискуссии, решая проблему, исходили из единой философской методологической платформы – диалектического материализма. Пестрое разнообразие точек зрения показало трудности решения проблемы, оставаясь лишь в рамках общеполитических положений. Выяснилась необходимость разработки методологии, занимающей промежуточное положение между «чисто» философскими и естественнонаучными знаниями.

Выявилось серьезное «белое пятно», когда дискуссанты затронули вопрос о том, каким образом духовное, нематериальное начало оказывает очевидное причинное воздействие на телесные, материальные органы организма. Материализм не может пренебречь эмпирически достоверными положениями, известными из области медицины, психофизиологии и общественной жизни. Образовался методологический вакуум, требующий перебраться логический мост между философской доктриной и эмпирическими данными, не укладывающимися в рамки первичности материи и вторичности сознания. Особенно кризисное положение сложилось в понимании методологической эффективности признания нематериальности, т.е. идеальности сознания. Простейшим выходом из положения явилось смелая, но зато голословная позиция, согласно которой сознание не идеально, а материально (В. М. Архипов, Ф. Ф. Кальсин). Можно считать это исключением. Большинство специалистов исходило из признания психики идеальной, а тело – материальным.

Как философы-материалисты, так и психологи, опираясь на общепризнанное определение сознания как функцию мозга, пытались подогнать психическое и физиологическое под единую формулу вопреки их философской демаркации, позволяющую включить в цепь причинных событий нематериальное начало. Но позже стало известно, что это просто невозможная вещь.

Парадоксальная ситуация, сложившаяся в определениях идеальности и действительности сознания, вызвала к жизни обилие точек зрения в нашей психологической и философской литературе. Большинство авторов, втянутых в дискуссию, потратило огромное усилие и остроумие на совмещение «психического» и «нервного» таким образом, чтобы одновременно оправдать как определение «идеальность», так и определение «действительность». С этой целью среди претендентов на решение проблемы большое распространение получила формула «психическое есть одновременно идеальное и нервно-материальное». Эклектическая природа этой формулы вскоре стала прозрачной и, вследствие чего, неприемлемой. Дискуссия, начавшаяся очень бурно, постепенно потеряла свою остроту, хотя и не завершилась.

Тупиковое положение, в котором оказалась дискуссия тех времен, объясняется бесперспективностью методологии, основанной на жонглировании «чисто» философскими абстракциями.

Выход философской методологии на эмпирическую арену требовал положить логический мост, способный связать высшую форму абстракции с ее эмпирической базой. Появилась надобность найти логический аппарат, играющий роль промежуточного звена. Тупиковая ситуация, сложившаяся в рамках чисто философского осмысления проблемы, может быть разрешена путем смены парадигмы. Это значит, что термины «материя» и «сознание», «материальное» и «идеальное» должны перевестись на новые ментальные рельсы. Такие возможности содержатся в методологическом аппарате теории информации. Такие участники дискуссии как С. Л. Веккер, Д. И. Дубровский, Э. З. Феизов, А. М. Иваницкий сделали первые шаги к использованию теоретического аппарата из новой парадигмы.

Наша задача заключается в том, чтобы решить ряд проблем биологии и медицины, пользуясь достижениями нейронауки и теории информации.

Объектом исследования выступает взаимосвязь духовной и материальной сфер жизнедеятельности организма. **Предметом** является механизм каузального воздействия духовного на телесное, психического – на жизнедеятельность организма.

Цель и задачи исследования: раскрыть внутренние «механизмы» причинения духовного на телесное, психического на органическое. Для достижения избранной цели: 1) проанализировать литературные источники, известные с именами выдающихся философов, врачей и психологов; 2) определить основные концептуальные направления в истории философии, раскрыть необходимость логической реконструкции смены парадигмов; 3) показать связь философских концепций с развитием теоретической медицины и биологии; 4) обосновать предлагаемую концепцию причинности, обеспечивающей воздействие психического на телесное; 5) обосновать соответствие авторской теоретической концепции достижениям современного естествознания.

Методологические основания исследования. Автор руководствовался следующими методологическими принципами:

- объективности, вытекающий из потребности экстраполяции научного решения основного вопроса философии (материи и сознания) на обсуждаемую проблему;

- логико-теоретическими следствиями, реализующими основные принципы научного познания: системности, историзма, причинности, восхождения от абстрактного к конкретному, единства эмпирического и теоретического, необходимое для организации накопленного материала и придания ему формы академических выводов.

Научная новизна. Показано, что проблема, просматриваемая в историческом разрезе, хотя и не нова, (1) нуждается в последовательном систематическом освещении с позиции достижений современного естествознания. Отмечено, что обсуждаемая проблема раньше освещалась более языком афо-

ризмов и в стиле метафорического описания, то теперь – после появления более строгого стиля – (2) научно-теоретического способа освещения – она приняла форму острой теоретической дискуссии о соотношении двух категорий реальностей.

Обилие точек зрения о взаимосвязи души и тела продиктовано, во-первых, плюрализмом философских течений, каждое из них исходило из постулатов, присущих только для данного течения. Отмечено, что серьезные расхождения (3) в семантике терминологического состава послужили серьезной помехой во взаимопонимании философов друг друга, особенно в тех случаях, когда философы разделились на идеалистов и материалистов. Учитывая печальную историю дискуссии отечественной науке конца XX века относительно души и тела, сложившегося методологического тупика, автор решил заменить не оправдавшую себя парадигму оперирования классическими терминами на иную, позволяющую обсуждать тему на когнитивной «площадке» методологии семантической теории информации.

Другой не менее серьезной помехой, во-вторых, послужило (4) понимание причинности, исходящего из механистического мировоззрения. Спасло судьбу проблемы лишь появление в XX веке информационной концепции причинности. Выяснено, что решению проблемы препятствовало онтологизация феномена духовности (идеальности), присущего психическим явлениям. Показана необходимость различения между двумя проекциями единых мозговых процессов: субъективной и объективной.

Предпринято освещение (5) содержания темы в новых терминах, близких к сути реализации поставленных задач. Сделана оправдавшая себя попытка перебросить логико-методологический мост между философской теорией соотношения материи и сознания и решением поставленной проблемы на естественнонаучном и эмпирическом уровнях. Решена главная задача перехода от философского освещения проблемы к методологическому решению причинности, лежащей в основе воздействия духовного на телесные процессы.

Семантическая и информационная концепция использована для преодоления логических и методологических тупиков, порождаемых онтологизацией субъективной реальности, данной в интроспекции.

Положения, выносимые на защиту.

1. Эмпирическая (наблюдательная и экспериментальная) достоверность воздействия духовного на телесного (материальное) получила всеобщее признание главным образом в естественных науках о природе человека. Философская дискуссия вокруг проблемы спровоцирована теоретической парадоксальностью взаимодействия двух несовместимых реальностей: духовной и материальной.

2. Возникла потребность в адекватном логико-философском осмыслении вопроса о том, каким образом перебросить мост между такими «несовместимыми» реальностями как нематериальный и материальный. В работе проводится новая интерпретация отражения, способная стирать обоюдные грани между вышеуказанными реальностями. Для этой цели, во-первых, уточнено

отношение духовного и материального в двух планах: отношение духовного (души) к телу, т.е. организму, работающему главным образом, в энергетическом режиме, и к материальным процессам, происходящим в мозгу, в органе, непосредственно обеспечивающим духовно-психические процессы. Причинное объяснение воздействия одного явления на другое невозможно без четкого различения объективного феномена психического и мозговых средств репрезентации материальных процессов.

3. Отражение, через который перебрасывается мост между феноменом действительности и нейродинамическими механизмами его обеспечения, имеет в своей структуре две объективно реальные стороны: 1) феномен репрезентации объекта (стимула) в субъектном образе и 2) материальные элементы (нейрофизиологические коды), интеграцией которых формируется структура отражения. Вышеуказанные две стороны отражения по-разному проецируются, во-первых, на феномен субъективной реальности, данной человеку в интроспекции, и, во-вторых, на субъективно невидимую композицию материальных (нейродинамических) элементов, моделирующих объекты внешнего мира.

4. Воздействие духовного (психического) на телесные процессы каузально возможно лишь в том случае, если субъективный (репрезентативный) феномен не является самодостаточной (инвариантной) реальностью, а представляет собой лишь одну из проекций структуры отражательного процесса, осуществляемого мозговыми средствами. Феномен субъективности сам по себе не может иметь статуса быть причиной чего-либо. Фундаментальной ошибкой прошлого является онтологизация этого феномена. Ошибка проистекает из всеобщей иллюзии отсутствия мозга (элиминации мозговых механизмов) в интроспекции. Теперь мы имеем возможность наблюдать эти «механизмы» объективно, например, в биоэлектрических записях, используемых в психофизиологических экспериментах. Верно, что нейродинамика, лежащая в основе психики, не дана в самонаблюдении, но зато представлена объективно в физиологической индикации внутренних процессов.

5. Диссертационная концепция основана на экстраполяции природы и структуры информационной причинности на проблему воздействия духовных факторов на деятельность организма. Информация как семантическая репрезентация сообщения не может существовать само по себе. Она передается, записывается и принимается лишь благодаря сигналам. В качестве сигналов выступают физические, химические и биологические агенты. Информационная причинность в своей сущности означает перенос упорядоченности от одного объекта к другому (от души к телу). Свойство упорядоченности не может быть сведено к веществу, энергии и массе. Также обстоит дело с психикой, наделенной свойством духовности, нематериальности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Проблема взаимосвязи психического и телесного не является чисто эмпирической, узконаучной. В настоящей работе она затрагивается и как философская и методологическая проблема биологии и медицины. Врачи считают, что существ-

вуют органические заболевания, вызываемые исключительно психическими факторами. Их называют психогенными. Врачебная практика показывает, что психические переживания не только усиливают или задерживают функции внутренних органов, но и выводят их из равновесия, нарушая нормальную жизнедеятельность организма. Исходя из этого твердо установленного факта, врачи в своей лечебной практике пользуются не только фармакологическими, но и психологическими средствами.

Пренебрежение психологическими факторами телесного заболевания привело к лечебному кризису в медицине. В эпоху развития и расцвета научной медицины «внутренняя картина болезни» не случайно была официально исключена из круга интересов врачей как область иррационального, вызывающей недоверие и скептицизм.

«Врачи тела» спрашивали, как исследовать то, что «нельзя ни разрезать, ни подвергнуть химическому анализу, ни положить на предметное стеклышко микроскопа»? Определенное отставание в развитии психологии в настоячивых поисках точного, естественнонаучного метода исследования больного способствовали известному снижению престижа психологического подхода к больным, страдающим, например, псевдоорганическими симптомами.

Эмоциональным нарушениям должна быть отведена в клинике внутренних заболеваний значительно большая роль, чем это делалось до сих пор, что нет соматических болезней без вытекающих из них психических отклонений, как нет и психических заболеваний, изолированных от соматических.

Нарастающая разобщенность между психиатрами и представителями других клинических дисциплин еще более, чем во времена Сократа и Платона, противопоставила «врачей тела», производящих объективное исследование человеческого организма, «врачам души», ставшими узкими специалистами, ограничивали себя анализом или гаданием о странных изменениях, происходящих в глубине души больного. Душевная болезнь – это не только болезнь души, но и тела.

История медицины свидетельствует о том, что философская интерпретация психики лишь как нематериального, призрачного мира отзывалась в практической жизни довольно печально. Субъективный мир личности не ограничивается лишь информированием о происходящем в объективном мире, но и о мире, расположенном под сознанием. Казалось бы, субъективное настолько субъективно, что оно не может соприкасаться с процессами, происходящими в телесной организации. Наблюдения и факты говорят о противоположном. Только философия, опирающаяся на дуализм, настаивает на отчужденности «нематериального» от материальной телесной организации.

Наша задача заключается в противоположном: субъективный мир человека обращен не только к внешнему миру, но и к миру, расположенному внутри себя. Он включается в цепь причинных связей не в качестве феномена субъективности, а в качестве, как будет показано ниже, процессов, осуществляемых нейродинамикой мозга.

Философская интерпретация проблемы неотделима от научно-теоретического ее обоснования. Известно, что практическое приложение теории имеет большой диапазон потребности в области психотерапии. В последние годы большое значение придается роли социально-психологических факторов в оздоровлении общества. Существует настоятельная потребность в теоретическом обосновании идеи социально-культурного просвещения. Положения, изложенные в работе, вселяют убеждение в реальности лечения больных, страдающих органическими заболеваниями, духовно-психологическими средствами.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования представлены автором на межрегиональной научной конференции, посвященной творчеству Э. З. Феизова; на VII республиканской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие Чувашии: теория и практика» (Чебоксары, 2007 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Организация педагогического процесса в условиях регионально-национального образования» (Чебоксары, ЧГПУ, 2008 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы формирования личности учителя в условиях регионально-национального образовательного пространства» (Чебоксары, ЧГПУ, 2008 г.); на научно-практической конференции студентов и преподавателей Чебоксарского института экономики и менеджмента (филиала) СПбГПУ (Чебоксары, ЧИЭМ СПбГПУ, 2009); на Всероссийской научно-практической конференции «Педагогический процесс и проблемы его организации» (Чебоксары, ЧГПУ, 2009).

Структура диссертации состоит из «Введения», четырех глав, заключения и библиографического списка использованной литературы. Содержание определена логикой и целью исследования и отражает последовательность концептуального решения поставленной проблемы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обоснована актуальность темы исследования, охарактеризована степень разработанности проблемы, сформированы цели и задачи исследования, раскрыты его методологические основы, изложены научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту, обозначена теоретическая и практическая значимость работы, представлена апробация ее результатов.

Первая глава «Душа и тело в истории философии» посвящена обзору истории материалистического подхода к решению проблемы взаимосвязи души и тела. Указаны достоинства и недостатки в концепциях того или иного философа.

В первом параграфе «Основные направления о проблеме души и тела» представлен небольшой обзор философских, главным образом, материалистических направлений, предшествующих зарождению психологических гипотез.

Проблема соотношения телесного (физического) и психического имеет огромную историю. По своему она решалась древними философами-материалистами. Так, например, в древней Индии черваки рассматривали сознание как модификацию четырех элементов: земли, огня, воды и воздуха. Они пришли к выводу, что «материя может мыслить». Древнегреческие материалисты Анаксимандр, Анаксимен и Анаксагор сказали, что «природа души воздухообразна». Гераклит рассматривал психику как результат взаимопревращений элементов материи. Наивный материализм достигает в лице Демокрита, Эпикура, Лукреции Кара своего высшего развития. Развивая идеи Гераклита, они дополнили ее атомистической концепцией. Душа – это «огнеподобное сложное (соединение) умопостигаемых (телец), имеющих сферические формы и огненное свойство». Другой представитель атомизма Эпикур открыто противопоставлял свой материализм идеализму. «... говорящие, что душа бестелесна, говорят вздор». «Душа есть состоящее из тонких частиц тело». Борьбу «линии Демокрита» против «линии Платона» продолжил Лукреций Кар. По его мнению, душа не противоположна телу, она так же как и тело, материальна.

По мнению Аристотеля, ощущение немислимо без внешнего оощуемого объекта, а также оно немислимо и без оощуемого тела. Душа ооществляется только в теле. Он сравнивал отношение души и тела с отношением воска и изображения на нем. Это говорит об оригинальной попытке философа применить к решению проблемы души и тела теории отражения.

Аристотель преодолел односторонний онтологизм своих предшественников и современников. Он опроверг точку зрения субстанциальности сознания.

Проблема влияния души на тело для древних материалистов не представляла особой трудности. Для большинства их влияние души на тело означало лишь влияние одних видов материи на другие. Только взгляды Аристотеля отличаются более или менее философской корректностью. С натуралистических позиций такое влияние для него означало воздействие одних функций тела на другие.

Материализм, рассматривающий сознание как атрибут материи, сменяется материализмом, рассматривающим сознание как механическое движение материи. Выступая против декартовской духовной субстанции, Гоббс рассматривал сознание как движение в мозгу, возбуждаемое внешними причинами. Так как ему было известно только механическое движение, поэтому и ощущение он рассматривал лишь как внутрителесный механический процесс.

Душа, по мнению Декарта, желая чего-нибудь, заставляет маленькую железу, с которой она непосредственно связана, двигаться так, как это необходимо для того, чтобы вызвать действие, соответствующее этому желанию. Чувствуя шаткость своей гипотезы, Декарт ограничил влияние души на тело способностью менять только направление телесных процессов, т.е. оказывать «вертикальное действие». Но отторжение им двух несовместимых субстанций друг от друга не спасло его концепцию.

Изучение философии Декарта подсказывает необходимость различать дуализм онтологический и «дуализм» гносеологический. Очень часто «раздвоение» мира на оригинал и образ, правомерное в узких рамках гносеологии, подменяют раздвоением мира на две сущности: психическую и физическую.

Мир, разделенный на два универсальных качества, на две сущности, или субстанции, неравнозначен миру, разделенному на оригинал и образ. Хотя образ противоположен оригиналу, но он не составляет особого бытия с особой сущностью.

Философское определение сознания как атрибута материи восходит к Спинозе (1632–1677). По мнению последнего, единая субстанция обладает такими бесконечными атрибутами, как протяжение и мышление. Атрибутом мышления, по его мнению, обладает вся природа (гиллозоизм). Разница между человеком и неорганической природой только количественная. В противоположность Декарту (1596–1650), считавшему сознание особой субстанцией, Спиноза выводит сознание из единой субстанции и рассматривает его не как субстанцию, а как атрибут. Таким образом, сознание не имеет собственной сущности, сущность его бытия заключается в субстанции, единой и тождественной с природой.

Если душа как модус мышления и тело как модус протяжения не имеют ничего общего между собой, то они не могут прямо действовать друг на друга. Но такое взаимодействие существует. Внешний предмет, действуя на тело человека, вызывает одновременно и телесное, и духовное изменение. Последние не имеют прямой причинной связи между собой.

Хотя у Спинозы понятие (термин) параллелизма не встречается, но это его положение воспринято философами и психологами в смысле параллелизма процессов психических и телесных.

Философско-методологические слабости Декарта решил преодолеть Лейбниц. Для того, чтобы избежать затруднения, с которыми столкнулся Декарт, Лейбниц сделал следующие методические ходы. Во-первых, добился отрицания универсальной, субстанциальной противоположности между душой и телом и, во-вторых, — отрицания универсального взаимодействия. Нет взаимодействия не только между душой и телом, но и между телами. Монады не действуют друг на друга, ибо они не имеют окон и дверей. Хотя они включают в себе деятельность, но она не получена извне, а присуща им вечно.

Оппоненты Лейбница не могли требовать ответа на вопрос: как взаимодействуют душа и тело. По системе предустановленной гармонии «... тела действуют так, как будто бы (предполагая невозможное) вовсе не было душ, а души действуют так, как будто бы не было никаких тел; вместе с тем оба действуют так, как будто бы одно влияло на другое».

Взаимодействие есть лишь видимость. Реальную основу этой видимости составляет предустановленная гармония.

Согласованный ход душевных и телесных процессов Лейбниц показал метафорическим примером. Он сравнивал их с часами, идущими в такт, показывая одно и то же время, хотя причинной связи между ними нет.

Дискуссия после Декарта, Лейбница и Спинозы вновь вспыхнула в XIX веке в связи с попыткой сближить психологию с физиологией. Эта попытка в отчетливой форме представлена в труде В. Вундта под названием «Физиологическая психология». Эмпирическое стремление психологии к сближению с физиологией вызвало бурную теоретическую (методологическую) реакцию со стороны философов и философствующих психологов. Эта реакция хорошо выражена в борьбе между теорией параллелизма и теорией взаимодействия.

Французские материалисты XVIII века, развивая атрибутивную точку зрения, пытались преодолеть недостатки сведения (редукции) сознания к механическому движению.

Наибольшее внимание к проблеме духовного и телесного уделил Фейербах. Он пытался преодолеть ограниченность атрибутивной точки зрения. Для него душа, хотя и не есть тело, но она не бестелесна. Нельзя согласиться с ним, когда он писал, что духовная деятельность отличается от других родов деятельности только тем, что она есть деятельность иного органа. Рассматривая сознание с двух сторон: со стороны субъекта и со стороны объекта, Фейербах называл сознание с первой стороны нематериальным, а со второй — материальным, в частности, физиологическим. Разумеется, такой подход к предмету исследования ставит его в зависимость от точки зрения, не может считаться объективным.

Вульгарный материализм (Кабанис, Мелешотт) рассматривал мысль как жидкость, выделяемую мозгом. Бюхнер выступал с поправками, однако эти поправки сводились лишь к тому, что сознание не есть «жидкость», «вещество», а мозговой физиологический процесс.

Домарковские материалисты, решая проблему воздействия психического на телесное, вставали на ошибочный путь отождествления сознания с движением материи. Разумеется, легко утверждать, как одна форма движения материи действует на другую. Но это не снимает логических трудностей. Современная научная философия (например, диалат) считает, что сознание не сводится ни к самой материи, ни к движению материи, оно является идеальным, и, следовательно, противоположным материальному. Эта позиция исключает всякую возможность объяснения влияния сознания на материальное.

История решения проблемы взаимодействия психического и телесного в лице философов Декарта, Спинозы и Лейбница представляет определенный интерес и для современных дискуссий, развернувшихся вокруг этой проблемы в конце XX века. Те же самые теоретические затруднения, для преодоления которых эти философы затратили много времени и остроумия, остаются не устраненными и в настоящее время.

Изучение истории проблемы взаимосвязи психического и телесного показывает, что нельзя ответить на вопрос о причинном воздействии психического, оставляя в тени гносеологическую противоположность материи и сознания. Объяснение влияния сознания на телесные процессы как действие одного вида движения материи на другой приводит лишь к игнорированию ос-

нового вопроса философии. Поэтому оно не может быть принято современным научным материализмом.

Нас интересуют те попытки решения проблемы, которые исходят из признания идеальности психического и материальности телесного.

Анализ относящихся сюда концепций Декарта, Лейбница и Спинозы, а также теории психофизического параллелизма и взаимодействия показывает, что эта проблема не может быть решена с позиций дуализма и эпифеноменализма.

Логической причиной несостоятельности дуализма является превращение гносеологической противоположности материи и сознания в онтологическую противоположность духовного и телесного. Онтологическое противопоставление возводит различие образа и оригинала в субстанциальную противоположность души и тела.

Дуализм не мог решить проблему взаимодействия психического и телесного потому, что он абсолютизировал такие отрицательные качества психического, как непротяженность, невещественность и т.д. Вопрос, поставленный в такой абстрактной форме, не может быть решен научными средствами. Действительно, невозможно себе представить, каким образом непротяженный процесс мог бы оказать воздействие на протяженный. Поэтому как Декарт, так и Лейбниц, будучи рационалистами, решили эту проблему иррациональными средствами, ссылаясь в конечном счете на вмешательство бога.

Спиноза преодолел субстанциальный дуализм Декарта. Мышление и протяженность являются лишь атрибутами единой субстанции.

Духовное и телесное не являются тождественными, но имеют общую основу существования. Взаимодействие между ними осуществляется через субстанцию. Внешне это объяснение выглядит как материалистическое и, следовательно, детерминистическое. Однако субстанция Спинозы, общая для этих противоположностей, т.е. для души и тела, есть метафизическая абстракция. Для нас нет ничего третьего, кроме материального и идеального. Поэтому концепция Спинозы не может удовлетворить требования, предъявляемые к решению этой проблемы современным материализмом.

Во втором параграфе «Теории параллелизма и взаимодействия души и тела в истории психологии и философии» дан обзор решения проблемы теоретиками психологии и физиологии.

По мнению параллелистов, «процессы в нервной системе и душевные процессы протекают друг подле друга в строгом соответствии, но не вмешиваясь один в другой: они в конечном выводе суть две различные стороны одного и того же опыта. Одна сторона не может быть причиной другой... Нервная система не обуславливает, а объясняет душу» (Эббингауз). Исходным положением психофизического параллелизма является признание существования двух самостоятельных замкнутых рядов: психического и физического. «Члены одного ряда не вызывают членов другого ряда и никогда не вторгаются в него; напротив того, по внутренней своей связи, по причинному сцеп-

лению своих членов оба ряда остаются друг другу совершенно чуждыми» (Титченер).

Последовательный объективный и субъективный идеализм не представляет особого интереса для науки. Притупляет внимание непоследовательный идеализм, например, психофизический параллелизм, который выступает не только в идеалистическом, но и материалистическом наряде.

Субъективный идеализм не находит противоположности между мозгом и сознанием, ибо мозг тоже суть не что иное как ощущение.

В отличие от субъективного идеализма психофизический параллелизм (Вундт, Циген, Титченер и др.) признает существование замкнутой системы причиненных связей материального мира. Параллельно этой системе существует другая самостоятельная замкнутая система – мир субъективных переживаний. Между этими двумя системами нет никакой причинной связи, но есть точечное соответствие: каждое психическое явление сопровождается соответствующим ему физиологическим процессом.

Психофизический параллелизм порожден логикой абсолютизации противоположности между материей и сознанием. Если, считают они, сознание находится за пределами пространства, то оно непротяженно, а материя протяженна, потому она материальна. Поэтому не может быть никакой связи между ними.

Существует несколько разновидностей психофизического параллелизма. Одни считают, что причинная связь имеет место только в материальных процессах и событиях, а в психических явлениях нет причинной связи. Поэтому последовательность психических актов может быть объяснена только из последовательности материальных событий (Гексли, Маудсли, Рибо).

Согласно другого варианта параллелизма, причинная связь существует не только между материальными событиями, но и между психическими актами. Физиологическое и психическое представляют при этом две замкнутые самостоятельные системы. Между этими системами нет никакой причинной связи (Фехнер, Паульсен и др.).

Другая разновидность параллелизма появилась под названием «физиологической теории» или «теории автоматизма». Она противоречит реальности.

Учение о психической энергии связано с распространением в одно время энергетизма Оствальда. Как известно, последний отрицал материальность, субстанциальность явлений, процессов объективного мира. Процессы природы, «очищенные» от телесности, легко было сблизить с душевными процессами, которые издавна считаются нематериальными. С этой точки зрения объяснение взаимодействия духовного с телесным не представляло никакой трудности, ибо речь шла о взаимосвязи не телесного с бестелесным, а бестелесного с бестелесным же.

Узнав об открытиях Оствальда, Маха, Эйнштейна, психологи надеялись получить возможность монистического решения проблемы, отказаться от параллелизма и дуализма. А в эпоху, открывшую «аннигиляцию» материи, стало возможным рассматривать психику лишь как разновидность мировой

энергии. Нет никакой трудности принимать концепцию взаимодействия, если различие психического и физического можно рассматривать лишь как различие между отдельными видами энергии. Такая видимость легкого решения проблемы явилась причиной того, каким образом энергетизм склонял к себе даже материалистически мыслящих естествоиспытателей.

В третьем параграфе «Иррационалистическое освещение взаимосвязи души и тела в зарубежной психосоматике» показана научная несостоятельность позиции и мистическая настроенность зарубежных психосоматиков.

Методологическое решение теоретической проблемы психосоматики во все не безразлично для дальнейшего прогресса практической медицины. Произвольная методологическая конструкция, основанная на мифологии бессознательного, привела западную психосоматическую медицину к кризису, к разброду среди ее представителей (С. Куби, Ф. Александер, Ш. Селесник).

Возникновение «психосоматики» было мотивировано поисками решения проблемы целостности организма, попытками преодоления «органолокалистического» подхода к болезни. Выясняя роль личности и эмоциональной установки в происхождении болезни, зарубежные представители «психосоматики» искали пути целостного и личностного лечебного воздействия. Но эти прогрессивные тенденции скоро были вытеснены мифологической методологией. Современная психосоматическая медицина строится не на базе объективного клинического и экспериментального анализа, а на основе псевдонаучных и спекулятивных воззрений глубинной психологии. Это обстоятельство в корне подрывает возможность адекватного истолкования информации, полученной от больного человека.

Отечественная медицина не отрицает действенность психического фактора в патологии и терапии. Она только считает, что такое реальное действие психики на тело необъяснимо с позиции философии индетерминизма.

Проблема взаимосвязи психического и телесного имеет прямое отношение к теории и практике духовного воспитания масс, в частности, к вопросам пропаганды здорового образа жизни (В. М. Бехтерев). Теологическое учение о власти духа над телом, об активности духа и инертности тела всегда использовало в качестве примера так называемые «чудесные исцеления» и религиозные стигматы. Задача науки заключается не в том, чтобы огульно отрицать реальность этих феноменов, а в том, чтобы, опираясь на данные современного естествознания, дать им материалистическое, причинное объяснение.

Догматический идеализм (например, неотомизм), постулирующий приматом духа над материей, по наивности не испытывает особой логической трудности при объяснении влияния духа на тело. Но идеалистическое учение о духе противоречит естествознанию и поэтому оно не приемлемо для научного детерминистического объяснения влияния психического на телесное.

В четвертом параграфе «Обзор точек зрения в отечественной философии и психологии» сделан обзор отечественной философии по проблеме.

Исходя из жизненных наблюдений, люди давно пришли к выводу, что психические переживания оказывают непосредственное влияние на телесные процессы. Однако в теоретическом плане такое влияние истолковывается очень часто как философский парадокс. В историческом плане дискуссия по этому вопросу оживилась особенно после сессии двух академий, состоявшейся в 1950 г. Никто из участников не сомневается в реальности подобного влияния психики, но каждый из них дает ему свое философское объяснение. Не говоря уже об идеалистической, даже в нашей философской литературе, из эмпирической картины взаимодействия делают прямолинейный вывод об активном влиянии идеального (нематериального) на материальное. Анализ материалов дискуссий показывает, что нельзя подменять эмпирическое положение теоретическим. Эмпирически наблюдаемое взаимодействие не дает основания для теоретического (философского) заключения о причинном взаимодействии между духовным и телесным, нематериальным и материальным. Кроме того, такое понимание подкрепляется утверждением, что якобы диалектическое понимание причинности допускает активное влияние психического на физическое (П. М. Рубинштейн).

После доказательства нетождественности психического и нейрофизиологического и относительной самостоятельности их, С. И. Гальперин пишет: «У человека психические процессы оказывают существенное влияние на физиологические».

П. М. Рубинштейн, Д. А. Мишахин, С. И. Гальперин и др. утверждают об активном влиянии психического на физиологическое, идеального на материальное не только в эмпирическом, но и теоретическом (философском) смысле.

Однако эта точка зрения не считается с теоретическими затруднениями, ибо эмпирически человек может констатировать только факты, взятые из самонаблюдения или наблюдения за другими по аналогии с самим собой.

Приведенные во введении фактические данные говорят о несомненной эмпирической достоверности воздействия психического на телесное. Но установление фактической эмпирической достоверности изучаемого феномена еще не достаточно для научного познания. Необходимо доказать также и теоретическую «достоверность» такого воздействия. Трудно представить, как «неэнергетическое» явление (а что психика – не энергия, давно доказано) могло бы оказать воздействие на энергетическое, не прилагая никакой энергии.

В нашей философской литературе имеется немало высказываний и гипотез о соотношении психического и нейрофизиологического (в смысле соотношений идеального и материального). Но конкретный анализ взаимодействия их встречается очень редко. Многие авторы, затрагивая и решая психофизическую проблему, т.е. проблему взаимосвязи психики и ее материального субстрата, останавливаются на полпути – не дают объяснения «механизма» взаимодействия психического и органического. На самом деле научная и практическая ценность решения психофизической проблемы в целом проверяется именно ответом на вопрос – как идеальное действует на материальное.

Наиболее распространенной формой решения проблемы в свое время являлась голословная ссылка на указание истмата о свойстве сознания оказывать обратное воздействие на бытие. Однако современное естествознание требует от философов не постулирования, а конкретизации этого положения. Для этого необходимо дать вначале правильное решение психофизической проблемы. Трудность решения этой проблемы в рамках материализма обусловлена необходимостью перебросить логический мост между признанием нематериальности сознания и его способностью оказывать обратное действие на материальное бытие, согласования гносеологического разделения действительности на материю и сознание с материалистическим монизмом.

Эмпирически известно, что сознание есть результат деятельности мозга, но теоретически трудно понять как материя производит нематериальные явления. Практически известно, что поведение регулируется сознанием, но теоретически невозможно представить, каким образом явление, не имеющее ни энергии, ни массы, оказывает решающее влияние на явления, обладающие всеми этими качествами. Нетрудно ответить на эти вопросы, если считать сознание не идеальным, а материальным. Так поступил в свое время метафизический материализм. Но определение сознания как материального противоречит гносеологической характеристике его.

Признание идеальности сознания полностью отвечает гносеологическим принципам современного материализма. Но, в то же время, оно затрудняет объяснение фактического влияния его на материальные функции организма. Признание влияния чего-то нематериального на материальное равнозначно признанию чуда. Можно было бы как-нибудь отрицать это влияние практически (что имело место в истории науки). Непризнание приводит к признанию биологической бесполезности сознания, к эпифеноменализму. Если бы сознание было бесполезным (побочным) свойством организма, то оно и не возникло бы и в итоге эволюции должно было бы атрофироваться. Но в действительности оно лишь прогрессирует.

Можно бы объяснить активность сознания путем признания идеальности его в гносеологическом плане и материальности в онтологическом плане. Но это несовместимо со «здравым смыслом», элементарной логикой.

Теоретически несостоятельно также решение проблемы с точки зрения взаимодействия причины и следствия. Верно, что в природе следствие обратнo действует на производящую причину, но не верно, что это может распространяться на соотношение идеального и материального, психического и физического.

Совершенно несостоятельно решение проблемы взаимодействия с точки зрения онтологической «материальности» сознания и, тоже самое, с точки зрения тождества психического и нейрофизиологического. Влияние психического на жизнедеятельность организма при этом означало бы просто влияние одного физиологического явления на другое.

Решение проблемы представляется не возможным и с той точки зрения, согласно которой психическое есть результат, продукт физиологического, но

само не является физиологическим. Если бы авторы этой точки зрения, признавая сознание как продукт физиологического, не стали говорить об его активности, то их обвиняли бы в эпифеноменализме, а если бы они отождествляли психическое с нейрофизиологическим, то их обвиняли бы в вульгарном материализме. Оставаясь между двух огней, они оказались в плену у субординационного дуализма. В этой концепции психическое и физиологическое представлены в виде двух «соседних» процессов, связанных между собой ассоциативной связью. Кроме того, они взаимодействуют друг с другом, несмотря на то, что одно из них является идеальным, а другое – материальным.

Разногласия и противоречия, имеющиеся в нашей философской литературе, обусловлены объективными причинами, коренящимися в трудностях самой проблемы.

Некоторые авторы нашли необходимым представлять психику, ссылаясь на существование различных аспектов, то как идеальной, то как материальной. Если психическое само по себе идеально, то как процесс в мозгу оно материально. Однако ее никак нельзя считать научно корректной. Это есть ни что иное, как эклектика.

Существует предположение, что при влиянии психического на телесное «влияет не психическое само по себе, а физиологическое, обладающее свойством психического». Если психическое не оказывает никакого влияния, то не есть ли оно побочный продукт мозга, бездействующий эпифеномен? Значит, сознание не может оказать влияния и на поведение. Управляя поведением, сознание участвует лишь как спутник, лишь как пассивная принадлежность физиологического. Эта концепция тоже неудовлетворительна.

Наиболее ухищренной является концепция, согласно которой влияние психического на физиологическое осуществляется как влияние высшей функции мозга на его низшую функцию. Эта аргументация похожа на софизм. В жизни мозг – это живой, действующий мозг. Поэтому, когда речь идет о влиянии психики на тело, то имеют ввиду влияние одного процесса на другой процесс, а не влияние процесса на вещество. Психическое и физиологическое – две «равноправные» функции мозга, и что предосудительного, если допустить, что они взаимодействуют между собой? Конечно, если они являются таковыми функциями мозга, то они взаимодействуют друг с другом в естественном порядке вещей. Однако психическое и физиологическое не являются такими «равноправными» функциями мозга. Понятие «психическое» подменяется понятием «материальный мозг». Понятно, каким образом материальный мозг подчиняет себе свою низшую функцию, но непонятно, как духовная функция подчиняет себе телесную функцию.

Подводя психическое и нейрофизиологическое под одно общее название «функция мозга», – эта концепция заслоняет «универсальную» противоположность между ними, на которой они сами настаивают.

Следующий вариант решения, встречающийся в литературе, заключается в указании на то, что влияние идеального на материальное осуществляется через Физиологические процессы мозга, что сознание действует на поведение

человека через свою материальную основу — физиологический процесс в мозгу.

Точка зрения опосредствованного действия идеального на материальное является особым методом решения проблемы взаимоотношений психического и физиологического. Так как признание прямого влияния идеального на материальное «режет ухо» материалистически мыслящему человеку, то его можно «дипломатически» миновать, утверждая, что такое влияние опосредствовано физиологической или практической деятельностью. Таким образом, действие материального на идеальное совершается непосредственно, а обратное влияние идеального на материальное осуществляется опосредствованно, через соответствующие нервные процессы в коре мозга. Каким образом идеальное действует на материальное через другое материальное? Если оно не может влиять прямо, то тем более не может влиять опосредствованно, ибо речь идет о принципиальной невозможности влияния нематериального на материальное.

Совершенно несостоятельно утверждение, будто различие философского и конкретно-научного планов снимает основное возражение против активной роли психического.

Непонятно, каким образом различие философского и конкретно-научного планов легко снимает материалистические возражения против подчинения материального духовному. Верно, что психическое это не эпифеномен, а реальная сила, играющая огромную роль в жизни организма. Но это положение является общим. Необходимо его конкретизировать и согласовать с другими положениями, имеющимися в научно-материалистической философии.

Потрачено много энергии и остроумия, но ни одно решение не выдержало проверки временем. Это вытекает, во-первых, из несостоятельности универсального противопоставления сознания и материи, во-вторых, из ложного представления психического как самостоятельной функции мозга, и, в-третьих, из неудачной подмены противоположностей материального и идеального с их «функциональной общностью». Парадокс влияния идеального на материальное не может быть решен и путем смягчения этого влияния тем, что идеальный образ не оказывает воздействия, а лишь определяет только последовательность материальных процессов. Ведь и для этого нужно приложение материальной силы!

Глава вторая «Субъективная реальность и объективные средства ее обеспечения». Решение проблемы воздействия духовного на телесное, идеального на материальное находится в полной зависимости от адекватной экстраполяции философских категорий на решение другой не менее сложной проблемы соотношения психического и нейрофизиологического.

§ 1. Феномен субъективной данности психики в условиях элиминации нейродинамических средств его обеспечения. Для последовательно научного решения проблемы соотношения духовного и телесного и, в свою очередь, психического и нейрофизиологического необходимо вначале раскрыть гно-

сеологические корни иррационального понимания психики как «надстройки», возвышающейся над первым процессом.

Изучение материалов дискуссии по проблемам соотношения психического и нейрофизиологического показывает, что понимание психики как «надстройки» над физиологическим «базисом» обусловлено неправильным перенесением гносеологического учения о материальном и идеальном на соотношение психического и физиологического.

В предыдущем параграфе было показано, что идеальное берется в гносеологии в абстрактной форме, т.е. гносеология отвлекается от элементов, из которых строится образ и представляет образ как «чисто» идеальное образование, «очищенное» от материальных процессов. Разумеется, это нельзя понимать в том смысле, что гносеологический подход является ошибочным. Разделение действительности на идеальное и материальное и противопоставление их в гносеологии совершенно необходимая вещь. Дуализм как потенциальная опасность всеобщего гносеологического разделения действительности на материальное и идеальное преодолевается онтологическим учением материалистического монизма.

Психическое является многогранным процессом и его нельзя сводить к абстракции идеального. Есть настоятельная необходимость различать абстракцию и эмпирическую реальность сознания. Пережитки параллелизма в нашей литературе есть результат подмены эмпирической реальности сознания его гносеологической абстракцией. Понимание идеального как особой реальности нельзя прямолинейно перенести на понимание психического в его отношении к физиологическому. Известно, что гносеологическое «обособление» идеального от материального неравнозначно онтологическому обособлению психического от нейрофизиологического.

Одним из очевидных гносеологических корней обособления психического от физиологического является интроспекция.

Как известно, идеалисты для доказательства особой реальности сознания, его обособленности от мозга ссылаются обычно на самонаблюдение, в котором человек не может усмотреть, заметить «ни одного атома и вообще никакого движения материи» (Л. Лопатин, Г. Челпанов). Нет никакого сомнения, что в самонаблюдении мы не можем воспринимать материальной функции мозга.

В самонаблюдении человек действительно не в состоянии отличить субъективного феномена от мозгового и наоборот. Они иллюзорно «воспринимаются человеком как тождественные, неразличимые. Поэтому в психологии субъект и объект тождественны, ибо «психологическим объектом служу я самому себе».

Сами сторонники обособленности психического и физиологического говорят, что психическое есть духовное, нематериальное явление, ибо оно не может быть воспринято органами чувств. Относительно этого аргумента необходимо сказать следующее. Во-первых, не только духовные процессы в мозгу, но и нервные процессы, будучи материальными, не доступны нашим

органам чувств. Во-вторых, известно, что в самонаблюдении материальные нервные процессы вовсе не «воспринимаются» субъектом. А между тем эти процессы представляют собой чувственный материал, из которого строится субъективный образ объективного мира. Так как в самонаблюдении мы «видим» только образ в его «чистом» виде и не видим из какого «материала» он составлен, делаем ошибочное заключение о целостном духовном образовании, «очищенном» от телесности.

Философы, мыслящие неподвижными категориями, считали проявление и сущность вещей непосредственно совпадающими. На самом деле, если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя. Задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению.

Таким образом, вопрос о связях между явлениями сознания, осуществленных нервно-мозговой деятельностью, имеет принципиальное значение для построения научной психологии. Психолог должен знать не только то, что отражается в данном субъективном образе, но и то, какими нервными «механизмами» он осуществляется.

Мы действительно не воспринимаем мозга и процессов, происходящих в нем. Однако это еще не значит, что «непосредственной видимостью» явления можно ограничиваться. Идеалист потому идеалист, что он рассуждает прямолинейно и односторонне.

Диалектика гласит, что явление и сущность (субстанция) непосредственно не совпадают. Явление богаче и противоречивее сущности, ибо оно есть не только проявление сущности, не и «маскировка» ее: оно включает не только существенное, но и несущественное. Нет никакого сомнения в том, что самонаблюдение в высшей степени характеризуется субъективностью, поэтому оно и не признается в материалистической психологии как самостоятельный метод познания.

Психологи-спиритуалисты не только эмпирически, но и теоретически считали, что за явлениями сознания скрывается духовная субстанция как их сущность и носитель. Поэтому, с точки зрения спиритуализма, явления сознания не суть свойство материального субстрата (нервных процессов), а духовной субстанции. Есть какое-либо обоснование для признания реальности духовной субстанции?

По мнению И. М. Сеченова, физиология представляет целый ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с так называемыми нервными процессами в теле, актами чисто соматическими.

§ 2. Психика и информация. Определение психики как информации является спорным. Поэтому, прежде чем показать механизм обратного психической причинности, необходимо доказать, что определение информации полностью отвечает гносеологическим требованиям, предъявляемым к определению психики. Кроме того, определение психики как разновидности информации оптимально облегчает решение поставленной нами проблемы.

Сознание есть разновидность информации. Оно отличается от других видов общего рода только тем, что оно является сложным и высшим. Понимание сознания как информации дает возможность рассматривать его отношение к нервным процессам как обычное отношение всех видов информации к физическим средствам их передачи. Если информация существует одновременно в форме физических сигналов, то это обстоятельство дает основание считать, что признание психического как особого явления, находящегося в связи с другими особым явлением – движением материи, – есть дуалистический вариант параллелизма. На монистическом языке это значит, что сознание не только связано с движением материи, а именно непосредственно осуществляется движением материи. Отличие между духовно-психическим и материально-физиологическим такое же, какое мы находим между информацией и физическим носителем ее – сигналом. Поэтому аналогия, извлеченная из соотношения сигнала и информации, наиболее доступно, наглядно и убедительно моделирует общие принципы соотношения (связи) психического и нейродинамического.

Включая информацию в объективную реальность, некоторые философы называют ее материальной. Они спрашивают: разве информация не существует вне сознания? Так можно спрашивать и о том, существует ли сознание других людей вне нашего сознания. Любой здравомыслящий ответит, что да. На такой абстрактный вопрос, заданный вне всякого контекста, нельзя дать конкретного ответа: материальна или не материальна информация. Сторонники материальности информации рассуждают: так как информация воспринимается чувствами, следовательно, она является материальной. На самом деле информация непосредственно не воспринимается человеком. Она существует в машине в зашифрованном виде, т.е. в виде материального кода, знака, символа. В таком виде может восприниматься и сознание человека. Ведь изучают сознание именно по материальным индикаторам (поведение, речь и т.д.).

Определение информации как материального основано на подмене материалистического монизма гносеологическим «дуализмом».

Сознание как отражение является лишь одним из многообразных видов информации, будучи высшим видом отражения (зеркального, телевизионного, машинного и т.д.), сознание качественно отличается от других форм отражения. Об этом говорит и то, что оно встречается только как свойство высокоорганизованной материи – мозга. Если сознание отождествлять с информацией вообще, то всю поверхность земного шара можно будет наделять психикой, ибо весь земной шар окутан электромагнитными волнами, несущими различные информации.

Определение сознания как разновидности информации справедливо не только по линии структурной общности, но и по линии их назначения, выполняемой роли и функции. К сожалению, в настоящее время нет единого мнения по вопросу о том, какие формы отражения являются информационными и какие ими не являются. Например, одни авторы считают, что инфор-

мация имеет место и в неживой природе, а другие – только в живой. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, следует заметить, что нам представляется правильной точка зрения, согласно которой информация имеет место только там, где есть процесс управления. На самом деле информация как особая форма причинной связи циркулирует в системе для выполнения задач и нужд управления. Смысл циркуляции психической информации по рефлекторным (нервным) каналам связи заключается в достижении полезного для организма приспособительного эффекта. Уже сама возможность абстрагирования образа от оригинала, с одной стороны, и, с другой – информации от сигнала говорит о несводимости информации к движению материи, несущему эту информацию.

Глава третья «Механизмы причинного воздействия психического на жизнедеятельность организма».

§ 1. Рефлекторная «канализация» воздействия психического явления на телесное. Проблема влияния «духа» на «тело», психического на телесное впервые получила естественнонаучное объяснение как в учении о высшей нервной деятельности, так и в теории информации. После того, как И. П. Павлов создал цельную систему физиологии мозга, перед ним встала задача объективного детерминистического объяснения явлений «психосоматического» взаимодействия. Как последовательный материалист, он рассматривал объект своего изучения, психику, как всякое другое природное явление, происходящее во времени и пространстве.

И. П. Павлов утверждал, что деятельности всех внутренних органов регулируется высшим корковым процессом. Экспериментальные данные современной кортико-висцеральной физиологии полностью подтвердили его теоретическое положение. Эти данные говорят о том, что переменное воздействие нервных импульсов (в которых закодирована психическая информация) на соматические процессы осуществляется по «каналам» рефлекторных механизмов деятельности организма с обратной связью.

Рефлекторная концепция представляет собой прошлое физиологической науки. Позже она была преобразована в мозговую функциональную систему, связанную с именем школы П. К. Анохина. Если раньше в школе И. П. Павлова оперировали терминами «очаги торможения» и «очаги возбуждения», действующих в пространстве всего мозга, то теперь те же самые физиологические процессы обозначаются в терминах электрических импульсов, циркулирующих в нейронных сетях. На арену истории встали две парадигмы освещения физиологии работы мозга: павловской – рефлекторной, и после-павловской – электрофизиологической. Если первая школа исследовала физиологические механизмы в глобальном масштабе всего организма, зато вторая – процессы, происходящие локально в отдельных нервных сетях, в отдельных частях мозга.

Противоречат ли эти школы друг другу? Разумеется, нет. Наоборот, они призваны дополнять друг друга.

Появившиеся в печати критические замечания по адресу павловской школы следует считать недоразумением. Такая практика не принимает во внимание логики развития научной мысли. Верно, что смена парадигм не происходит гладко, безболезненно. Но это не составляет основания для огульной критики прошлого. Можно понять психологов, выступающих против сведения сложных психических феноменов к схеме рефлекторных актов. Такая схема необходима для описания взаимосвязи психики с деятельностью организма в его целостности. Рефлекторный каркас, объединяющий бесчисленное многообразие жизнедеятельности организма, должен сохраняться при всех переменах и сменах научных парадигм.

Нет основания экстраполировать рефлекторную схему на все происходящее в рамках человеческого сознания. В данном исследовании не затрагивается вся мыслимая сложность психической жизни человека. Одной из простейших функций психики является запуск цепи рефлекторных актов, в том числе какие-то аспекты жизнедеятельности организма.

Открытие условнорефлекторной связи коры со всеми висцеральными функциями организма является величайшим достижением в естествознании. Проблема влияния психического на соматическое получила в нем естественное и материалистическое объяснение.

В лабораториях К. М. Быкова и его сотрудников установлено, что кора головного мозга оказывает условнорефлекторное действие на все функции внутренних органов. Внутреннее «хозяйство» организма имеет двухстороннюю связь с корой больших полушарий: импульсы, содержащие определенную информацию, идут как от внутренних органов к коре, так и от коры к этим органам. Благодаря этим связям происходит корковая регуляция внутренних органов.

Стало возможным выработать условный висцеральный рефлекс на обстановку. Здесь трудно разделить, что явился решающим фактором: психология обстановки или физические характеристики обстановки. Вид комнаты репродуцировал ощущения и переживания, отражающие висцеральные изменения, которые были вызваны условиями повышенной температуры. После упрочения условной связи, соматические изменения вызывались не только на адекватные физические агенты, но и на воспроизведение ощущений и переживаний, с которыми они были связаны в прошлом.

Влияния психического и физического факторов на соматическое не отделимы друг от друга. В условных рефлексах психическое и нервно-физиологическое действуют одновременно.

Пренебрежение сторонниками психосоматической медицины рефлекторной теорией и физиологией привело к мистификации проблемы взаимосвязи психического и соматического.

Авторы книги «Psychosomatic medicine» Е. Вейсс (Е. Weiss) и О. Инглиш (О. English) утверждают, что никакая работа не может быть предпринята в психосоматической медицине без биологически ориентированной психологии З. Фрейда. А сам З. Фрейд ссылается «...на знаменитых философов, как

на своих предшественников, прежде всего великого мыслителя Шопенгауэра, «бессознательную волю» которого в психоанализе можно отождествить с душевными влечениями...». Е. Вейсс и О. Инглиш вместо научно обоснованной интерпретации реальных фактов дали произвольное «искусство» гадания над «символическим языком органов».

В качестве эпиграфа книги Е. Вейсс и О. Инглиш приводят изречение великого философа Платона, которое позволяет им дать следующее объяснение взаимосвязи психического и соматического. «Вечный разум» через души, расположенные в мозгу, в сердце и печени, управляет материальными явлениями в организме. Тело подчиняется идее. Само тело является лишь проявлением идеи.

Методология объективного идеализма в смеси с субъективным пронизывает все исследования конкретных вопросов психосоматической медицины.

Ведущим принципом психосоматической медицины является «теория символического языка органов». Согласно этой теории каждое конкретное заболевание есть лишь символ того или иного психологического конфликта, осуществляющегося в сфере «бессознательного».

Вопросы, изучаемые психосоматической медициной за рубежом, разрабатываются и в нашей стране, но только с позиции последовательного научно-материалистического мышления. В павловской школе «психосоматическая» проблема рассматривается как проблема кортико-висцеральной физиологии и патологии. Влияние психического на соматическое понимается здесь как влияние высших корковых процессов на висцеральные изменения в организме. Разумеется, это не есть игнорирование роли психического.

«Трудная задача» переживается организмом как чрезвычайно большая «нервная нагрузка». Эмоциональное напряжение является одновременно нервным (материальным) напряжением. Поэтому в психологическом конфликте, как и во всех других психических актах, невозможно отделить психическое от физиологического, идеальное от материального.

Применение рефлекторной теории к решению проблемы обратного воздействия психического на соматическое поставило эту проблему на твердую материалистическую основу. Однако до сих пор нет единого мнения среди наших философов относительно понимания рефлекторной природы самого психического процесса. Говоря о рефлекторном характере влияния психики, мы должны иметь ясное представление о том, каким образом психическое органически включается в цепь рефлекторных процессов и какую роль оно играет в этой цепи событий.

Философ, пишущий от имени диалектического материализма, не должен закрыть глаза на многозначность термина «физиологическое». В традиционном смысле понятие «физиологическое» обозначает биологическое явление. Однако И. П. Павлов, нарушив традиции старой биологии, стал обозначать этим термином все материальные явления мозга, в том числе и речевую деятельность, представляющую специально человеческую, социальную форму работы мозга.

Трудно понять, почему вся материальная деятельность мозга является биологической, а нематериальная (психическая) – социальной? Ведь известны факты, когда одно и то же явление рассматривается и как физиологическое и социальное, например, труд. Учение о двух сигнальных системах признано как учение об единстве физиологического и социального как в нашей стране, так и за рубежом.

Определение рефлекса как чисто биологического явления нужно было для того, чтобы отстаивать идею самостоятельности психического и за тем психологической науки. Однако эта идея делает психологии медвежью услугу, оставляя за ней право изучать только нематериальные процессы. Однако эти убеждения противоречат действительности. Даже те психологи, которые приводятся В. В. Орловым как его сторонники, идут по другой линии, по линии обоснования психологических наблюдений физиологическими исследованиями (например, Б. М. Теплов, Б. Г. Ананьев, В. С. Мерлин и др.).

Никому не секрет, что И. П. Павлов в связи с открытием учения о сигнальных системах рассматривал рефлекторную деятельность как сигнальную деятельность мозга. Общеизвестно, что сигнал – это один из способов передачи сообщения, информации. Следовательно, рефлекс осуществляется не только как «переброс» нервных импульсов, а как передача информации посредством этих импульсов. Было бы грубейшим искажением сути учения И. П. Павлова, если бы рефлекс рассматривался нами лишь как транспортировка нервных импульсов от рецепторов к исполнительным органам. Как все остальные функции организма, рефлекторная деятельность мозга имеет свое биологическое назначение. Рефлекс представляет собой своего рода функциональный канал для циркуляции информации, полученной из внешнего мира и внутреннего хозяйства организма.

Рефлекс есть особая форма деятельности живой самоорганизующейся системы. Он качественно отличается от всех других обычных физиологических отправлений организма. Это различие заключается в том, что рефлекс (безусловный и условный) есть не просто энергетический процесс, но, главным образом, процесс, осуществляющий прием, передачу и реализацию психической информации. Целесообразность рефлекса для организма, его смысловая сущность заключается в организации циркуляции информации для нужд саморегуляции организма в изменяющихся условиях окружающей среды.

§ 2. Научно-материалистическое понимание причинности, обеспечивающей воздействие психики на жизнедеятельность организма. Для научно-материалистического понимания каузального воздействия психического на телесное чрезвычайно важно правильная расшифровка формулы, согласно которой рефлекторная деятельность есть физиологическая и вместе с тем психическая деятельность. Совершенно ясно, что одно лишь декларирование этой формулы вовсе не достаточно для выяснения конкретных механизмов влияния психического на соматическое. Необходимо восстановить все недостающие звенья в этой цепи «психосоматической» причинности.

Выше было сказано, что рефлекторная взаимосвязь коры головного мозга с внутренними органами осуществляется посредством обмена информацией. Понимание роли психики в рефлексе как разновидности информации дает возможности объяснить влияние ее на соматическое как передачу информации, осуществляемую нервными импульсами. Так как влияние нервных импульсов (сигналов) на соматические процессы полностью укладывается в рамки научно-материалистического понимания причинности, то для нас чрезвычайно важно представить воздействие психического на соматическое как передачу информации, осуществляемую потоком нервных импульсов.

Обычно рефлекторная дуга, осуществляемая с участием психики, изображается так. Внешний мир действует на органы чувств. Физиологический процесс, вызванный внешним раздражителем, идет по центростремительным нервам в кору головного мозга. В высшем отделе мозга происходит превращение физиологического в психическое. При ответной реакции начинается обратный процесс превращений: психическое «превращается» в нейрофизиологическое, а последнее – в соматическое.

Хотя нас главным образом интересует вторая сторона вопроса – «превращение» идеального в материальное, но для целостного анализа цепей этих двух видов «превращений» необходимо расшифровать сначала механизм первой формы «превращения», а потом – второй. Если нам удастся дать материалистическое объяснение первой стороне проблемы, то, пользуясь аналогией, можно будет тем же способом решить и вторую сторону проблемы.

До сих пор в нашей философской литературе встречаются истолкования определения ощущения, данного В. И. Лениным, как превращения энергии внешнего раздражения в факт сознания в духе теории психофизического взаимодействия. Встречаются также истолкования с некоторыми модернизированными «поправками». Например, некоторые авторы полагают, что порядок этих превращений является несколько иным: внешняя энергия сначала превращается в нервную энергию, физиологический процесс, а затем только — в психический процесс. Существует другая точка зрения, согласно которой, внешняя энергия превращается не в психическое, а в функцию мозга. Если первая формула является открытой формой признания превращения физической энергии в психическую, то вторая является замаскированной. Ведь понятие «функция» является многозначным. Поэтому его можно понять по-разному. Если физическая энергия способна превращаться в функцию мозга, то естественно полагать, что и функция мозга есть энергетический процесс. А если под функцией мозга подразумевать психический процесс, то это утверждение становится бессмысленным, ибо физическая энергия не может превращаться в психический (неэнергетический) процесс. А если же функция мозга является физиологической, тогда снимается сама проблема «превращения», так как психическое при этом остается вне «цепи» превращений. Замена термина «психическое» термином «функция мозга», не раскрывая содержание этого термина, выгодна, но несправедлива. Она не решает, а лишь заслоняет механизм «превращения». Верно, что определение ощущения как пре-

вращения энергии внешнего раздражения в факт сознания есть то же самое, что и определение психики как функции мозга, но под «функцией» в данном определении разумеется не «факт сознания», а процесс «превращения» энергии внешнего раздражения в факт сознания. Функция есть роль, которую выполняет данный анатомический орган, это его назначение, говоря словами Аристотеля, его смысловая сущность. Определение сознания как функция мозга буквально означает процесс создания психического образа специфическими материальными средствами, которыми располагает мозг.

Современный материализм, определяя сознание как функцию мозга, не отождествляет его с физиологической деятельностью мозга, а подчеркивает создаваемость, осуществляемость отражения внешнего мира физиологической деятельностью мозга. Субъективный образ объективного мира есть модель предмета, копия оригинала, создаваемая из «материала» совокупного действия системы нейронов. Функция мозга есть «функция создания образов и моделей, заимствованных из внешнего мира». А «строительным материалом» этих моделей служат процессы, происходящие в сложной системе нейронов, т.е. обыкновенные нервные импульсы, имеющие физико-химическую природу.

Проблема «превращения» представляет исключительную трудность, когда психическое рассматривается как особое явление, надстраивающееся над нервным процессом. Даже оговорка о том, что сознание находится в определенном единстве с материей, является ее продуктом, не дает убедительного основания для утверждения, что идеальное может превращаться в материальное и материальное в идеальное. Понятно, что сознание находится в единстве с материей, но непонятно, как материальное может превращаться в идеальное.

Многие авторы смело ставят проблему превращения физиологического в психическое, но дипломатически умалчивают об обратном превращении психического в физиологическое. Дело в том, что превращение физиологического в психическое внешне не противоречит материализму, ибо тем самым психическое выдается за результат физиологического, материального. Однако говорить о превращении психического в физиологическое, идеального в материальное, – значит отказаться от материализма, ибо это ставит материальное в зависимость от духовного.

Концепция превращения физиологического в психическое и обратно является лженаучной и лжематериалистической. Эта концепция не состоятельна, во-первых, потому, что проблема превращения физиологического в психическое в значении превращения материального в идеальное есть абстрактная проблема и в такой форме она не разрешима. Во-вторых, она противоречит самой теории отражения. Когда социологи-марксисты писали, что идеальное становится материальной силой, когда оно овладевает массами, они имели в виду взаимодействие общественного сознания с общественным бытием, т.е. говорили о «превращении» идеального в материальное в совершен-

но ином плане. Общественное сознание существует в материальной форме, в частности в форме поведения и языка.

С точки зрения теории отражения «превращение» материального в идеальное есть процесс замещения в отражательном аппарате, действующего объекта его отпечатком, изображением, построенным материальными же средствами. Иначе говоря, есть проблема кодирования и построения изображения. Известно, что получение и хранение информации осуществляется нервными импульсами, бегущими по нейронным сетям. Есть основание полагать, что дискретный нервный импульс, идущий из периферии, преобразуется в коре головного мозга в высший синтез прерывного и непрерывного, т.е. в «поток» сознания.

В настоящее время наиболее актуальным в нейрофизиологии является вопрос об алфавите кодирования и хранения информации в процессе восприятия внешнего мира.

Доказано, что центральные нервные механизмы обладают способностью расшифровывать частотный код. Существует другое предположение, что информация в нерве кодируется с помощью двоичного алфавита, состоящего из двух знаков: покой и возбуждение, имеющие значение двоичной цифры: отсутствие – 0, а наличие импульсов – 1.

Гипотеза количественного кодирования качественных изображений не противоречит принципам научного мышления. И диалектика учит, что переход от одного качества к другому осуществляется механизмом количественных изменений.

Смысловой параметр психического отражения представляет собой отношение между двумя материальными процессами (сигналами), несущими различные информации, то есть иначе говоря, отношение прошлого опыта, влиявшего в себя программу (а также и стратегию) достижения полезного эффекта, к вновь поступающим сигналам.

При сличении вновь поступающей информации с прошлым опытом осуществляется выбор нужной реакции из числа возможных. При этом считывание и нахождение «полезной» реакции происходит под определенным углом зрения. Выбор останавливается на той реакции, которая даст организму наибольший приспособительный эффект. Смысловой фактор при этом выступает как основной решающий параметр психики. Активность психического при его обратном действии на поведение, а также на соматическое заключается в определении (в смысловой оценке) и сигнальном запуске реакции. Ответная реакция развертывается дальше за счет собственной энергии, накопленной в процессе обмена веществ. Нервные импульсы, сигналы, в которых зашифрована информация о запуске реакции, имеют минимальную энергию. Но в то же время они способны вызвать к жизни высвобождений колоссальной (в масштабе организма) энергии. Это обстоятельство красноречиво говорит о том, что влияние психического на соматическое есть влияние информационное. Влияние «души» на «тело», мистифицированное идеалистами, есть не что иное как передача сигнала от мозга ко всем «участкам» организма, это

своего рода «бомбардировка», «обстреливание» корой импульсами рецепторов управляемых органов. Отечественная физиология доказала, что внутренние органы имеют свои рецепторные, декодирующие устройства.

Расшифровывание пришедших из коры импульсов в этих рецепторах происходит, надо полагать, как материально-энергетический процесс развертывания функций органов-адресатов. Конечно, влияние психического на соматическое есть не односторонний, а двусторонний процесс. Внутренние органы посылают к коре мозга по «каналам» обратной связи информации о достигнутом, о «положении дел» в периферии вообще.

Организм в целом есть саморегулирующая система, где процесс влияния психического на соматическое выступает как необходимый момент этой регуляции. Так как саморегуляция осуществляется как рефлекторная деятельность с обратной связью, так как рефлекс представляет собой физиологическое явление, рассматриваемое вместе с тем и как психическое, так как циркуляция информации в рефлексе, осуществляется алфавитом нервных импульсов, то и влияние идеального на материальное необходимо рассматривать как процесс отражения с обратной связью, осуществляемый материальными средствами.

В третьем параграфе «Социальная проекция действительности морально-психического фактора в жизнедеятельности организма» продемонстрирована на конкретных примерах возможность и необходимость экстраполяции проблемы воздействия психики на организм из области индивидуального бытия человека на более широкую область – общественного бытия.

Проблема воздействия психического на соматическое имеет не только «чисто» индивидуально-психологическое, но и общественно-практическое значение.

Особый интерес представляет идея психического воздействия на организм, которая резонирует на жизнь всего общества. Мы ограничимся рядом достоверных примеров, иллюстрирующих закономерное воздействие духа на мощные социальные всплески.

Во-первых, практическое значение проблемы заключается в том, что она раскрывает «механизм» воздействия общественного сознания на общественное бытие. Этот вопрос имеет громадное значение в практике формирования научного мировоззрения и воспитания масс.

Передовые идеи имеют в общественной жизни мобилизующую, организующую и преобразующую силу.

Во-вторых, решение данной проблемы имеет методологическое значение для разработки общественной психологии. Значение последней для практики воздействия на массы, для формирования здорового образа жизни трудно переоценить.

Социальные связи и взаимодействия людей в обществе осуществляются как конкретные общественные отношения. Поэтому и психологическое воздействие на личность включает в себя не только нейрофизиологические механизмы, но и конкретное социальное содержание. В зависимости от соци-

ального содержания сознания (от привычек, убеждений, характера) человека психическое влияет на соматическое по разному.

Люди, имеющие глубокие убеждения, идут на тяжелые и опасные дела, преодолевая физиологические ограничения организма. Сознание долга, предстоящее торжество справедливости воодушевляли революционеров идти на риск, мучения и физические пытки. История революционного движения знает много примеров победы сознания над соматической болью, казавшейся раньше невыносимой.

Наблюдения врачей говорят о том, что заживание ран у представителей победившей армии идет намного быстрее, чем у представителей побежденной армий. Это объясняется высоким моральным духом, радостным настроением воинов-победителей.

Проблема действия психического на соматическое (телесное) представляет собой часть общей философской проблемы обратного действия сознания на бытие. История учит, что передовые идеи, высокий моральный дух и настроение масс имеют огромную организующую и общественно-преобразующую силу.

Историки утверждают, что солдаты Кромвеля шли в бой с пением библейских гимнов. Французы, воодушевленные идеями свободы, равенства и братства, совершили в 18 веке грандиозный революционный переворот. «Интернационал» помог рабочему классу мобилизовать невиданную силу и энергию в дни октябрьских событий в 1917 г.

Проблема резонирует на самые различные сферы общественной жизни.

Здоровый образ жизни является продуктом общественных отношений, способных вырабатывать и создавать (сознательно или стихийно) психологический климат, проникнутый гуманистическими принципами. Практическая медицина требует сознательного использования людьми чуткого, внимательного отношения и подхода как к больным, так и здоровым членам коллектива. В этом отношении чрезвычайно впечатлительны больные. Неосторожные, мимоходом брошенные врачом или медсестрой слова могут устрашающе действовать на воображение больного и вызвать ухудшение его состояния. Больной жадно следит за выражением лица, за жестами, за интонацией своего врача и делает из этих наблюдений заключение о тяжести своего заболевания.

Проблема высвечивается еще в одном неожиданном ракурсе. Она имеет непосредственное отношение к формированию мировоззрения.

Воздействие психики на жизнедеятельность организма, мистифицированное теологами и идеалистами, есть ничто иное, как передача сигнала от мозга ко всем «участкам» организма. Естествознание доказало, что внутренние органы имеют свои рецепторные (декодирующие) устройства. Расшифровка пришедших из коры импульсов в этих рецепторах происходит как материально-энергетическое разворачивание функции органов-адресатов.

Глава четвертая «Теоретико-методологическое обоснование природы причинности во взаимосвязи духовно-телесных реальностей».

§ 1. Активность психики в контуре нейродинамики мозга. Определение психики как надстройки над физическим базисом принципиально непригодно для объявления причинности и действительности психики. Многие материалисты осознавали это и поэтому считали, что при таком подходе психика выпадает из цепи причинных связей, обеспечивающих жизнедеятельность организма, она превращается как бы в тень, в эпифеномен (побочное явление), сопровождающий нервные процессы. Сознание «само по себе собственно ничто», а лишь суррогат мозговых функций (Гексли, Рибо, Моудсли). В. Джемс, разясняя и критикуя параллелизм, исходящий из принципа замкнутой причинности, писал, что психика, согласно этой концепции, – пассивный спутник мозговых физиологических процессов. Она «действует» на мозг так же, как мелодия, льющаяся со струн арфы, на замедление или ускорение колебания струн, как тень пешехода на скорость шагов. Чтобы детерминировать поведение или жизнедеятельность организма, сознание должно быть наделено энергией. Но оно не располагает физически «силовыми» качествами. Поэтому физиологические процессы могут быть детерминированы только другими физиологическими или физическими процессами. В. Вундт выдвинул «принцип» замкнутости естественных причин. Этот принцип устранил из причинного объяснения всякие нематериальные причины.

Воздействие сознания на поведение нельзя рассматривать как воздействие «силы на силу».

Широко известно, что ощущение, чувство и всякая мысль порождаются в человеке, затрагивая одновременно все материально-энергетические процессы, происходящие в его организме. Доказано, например, что умственная деятельность, хотя и считается самой «отвлеченной», «неуловимой», «удаленной» и «бесшумной», оказывает влияние не только на скорость процессов дыхания, сердцебиения и т.д., но и на глубину физико-химических процессов обмена веществ.

Признание нематериальности сознания отвечает гносеологическим принципам материализма. Но в то же время оно наглухо закрывает дорогу к решению проблемы воздействия его на материальные функции организма. Признание воздействия нематериального на материальное в буквальном смысле слова равнозначно признанию чуда.

Практически известно, что поведение регулируется сознанием, но теоретически невозможно представить, каким образом явление, не имеющее ни энергии, ни массы, оказывает решающее влияние на явления, обладающие всеми этими качествами.

Понимание психики как разновидности информации дает возможность объяснить влияние ее на соматическое как передачу информации, осуществляемую нервными импульсами. Так как влияние нервных импульсов отвечает научному пониманию причинности, то для нас чрезвычайно важно представить воздействие психического на соматическое, т.е. идеального на материальное, как передачу информации, осуществляемую потоком нервных импульсов.

Предлагаемая модель причинности опирается на современное представление о рефлексе как функциональном канале «ксльцевой» циркуляции информации. Разумеется, рефлекс не есть какое-то замкнутое целое, оторванное от внешнего мира. По своему смыслу рефлекс содержит как «вход» – получение информации из внешнего мира, так и «выход» – ответную реакцию, осуществляющую воздействие организма на окружающую среду. Так же обстоит дело и в теории отражения, и в теории саморегуляции. Отражение внешнего мира и воздействие человека на внешний мир не отделимы друг от друга. Только гносеология по некоторым совершенно оправданным соображениями выделяет то одну, то другую сторону этого единого «кольцевого» движения, происходящего между организмом и окружающей средой.

Ниже психическое определяется нами через нейроотражение, представляющее собой внутреннюю незримую сущность психического отражения. И нейроотражение беспомощно в качестве детерминанта поведения, если оно не вписывается в систему, обладающую свойством саморегуляции. Не только целостный мозг, но и отдельные нервные клетки и их объединения в нейронные ансамбли обладают активностью, инициированной эндогенно. Иерархически расположенные подсистемы комплексов соединены друг с другом при помощи каналов прямой и обратной связи. Это значит, что мозг в целом представляет собой систему, работающую по принципу самоорганизации.

Каким же образом информационные комплексы, представленные в структуре рефлексорного «кольца», но лишённые энергетических характеристик, выполняют функцию, например, волевого инициирования практических действий?

Известно, что инициированная изнутри активность представляет собой акцию разрешения противоречия. Не всякая мысль, намерение разряжается в действиях. Здесь нет рефлексорной неизбежности срабатывания реакции, как это имеет место в идеомоторных актах. Поведенческие акты запускаются сознанием и волей лишь в тех случаях, когда в цепь причинных событий вторгаются внутренние факторы, описываемые в терминах «мотивация», «смысл», «проблемная ситуация». Смысл, порождаемый сличением сенсорной информацией с информацией из внутреннего «хозяйства» организма, детерминирует действия лишь постольку, поскольку он воплощен в нейродинамический код, имеющий свой энергетический эквивалент.

Ориентировочная реакция (движение головы, глаз и всего тела) проявляется вследствие рассогласования между нервной моделью стимула и вновь поступающей информацией. Рассогласование (противоречие), обнаруженное при сличении видов репрезентации, поднимает в мозгу тревогу, посылая сигналы в ретикулярную формацию – в центр энергетического снабжения коры головного мозга. В ответ на «тревогу» ретикулярная формация посылает дополнительную энергию в районы конфронтации, мобилизуя тем самым все исполнительные органы, имеющиеся в распоряжении организма.

Сознание само по себе не наделено энергией. То, что мы называем сознанием или психикой, – это явления, эмпирические факты, лежащие на по-

верхности самонаблюдения. В глубине, в самой сути за этими явлениями скрываются отраженные в мозговой нейродинамике образы предметов и объектов, которыми оперируют субъекты в своих намерениях и желаниях.

Сознание лишено массы и энергии. Но таковым оно является лишь в абстракции, в отвлечении его от живой нейродинамики. Таковым его изображает интроспекция, игнорирующая подводную часть «айсберга». Именно в этой части «айсберга» мы видим, как соединена «мысль» со всеми физическими параметрами нейродинамики. Мысль – это информация, а информация представлена среди всех физических свойств сигнала как нефизический аспект организации сигнала. Композиция, упорядоченность, организация не имеют физического измерения, но они не существуют вне измеримых свойств физического сигнала. Необходимо подчеркнуть, что энергетическое сцепление событий не является единственной формой причинности. Вряд ли кто теперь сомневается в том, что существует специальная информационная форма причинности. Как известно, замок открывается не силой, а на соответствие конфигурации ключа (формы канавок, высоты зубчиков, глубины выемок) конструкции внутренних механизмов замка. Такое соответствие следует понимать как структурное или информационное.

Для понимания информационной причинности необходимо допустить перенос во времени и пространстве упорядоченности (или структуры). Воздействие психики на тело – не игра психики с электрическими импульсами, а перенос структуры в поток импульсов по специальным нервным трактам. В структуре закодирована информация, а информация и есть цель, мысль и намерение.

То, что для меня кажется воздействием души на тело, для объективного наблюдателя презентруется как перенос структуры или упорядоченности.

Мозг представляет собой «штаб» организма. Он получает со всех концов организма различные осведомительные сведения и соответственно им посылает управляющие сигналы. Эта связь осуществляется нервными импульсами. Спортсмен, поднимающий штангу, затрачивает огромную мышечную энергию. А для «напряжения» мысли и воли при этом ему нужна ничтожно малая нервная энергия. Это говорит о том, что связь мысли и мышцы, главным образом не энергетическая, а информационная.

Влияние «души» на «тело», мистифицированное идеалистами, есть не что иное, как передача сигнала от мозга ко всем «участкам» организма. Физиология доказала, что внутренние органы имеют свои рецепторные (декодирующие) устройства. Расшифровывание пришедших из коры импульсов в этих рецепторах происходит как материально-энергетическое развертывание функций органов-адресатов. Активность психического, его сила, побуждающая к действиям и поступкам, а также сила, вызывающая психосоматические сдвиги, заключается в определении (в смысловой оценке) и последующем сигнальном запуске реакции. Ответная реакция организма развертывается дальше за счет собственной энергии, накопленной в процессе обмена веществ.

§ 2. Духовная (субъективная) репрезентация и скрытая за ней материальная структура отражения. Проблема, поставленная в данной работе, крайне нуждается в терминологических уточнениях. С древнейших времен употребляются такие термины как «душа» и «тело», «дух» и «материя». Ими пользуются не только теологи, но и те «науки», которые касаются так или иначе духовной сферы человека с оценочных точек зрения. Терминологический разброд требует специального исследования с участием лингвистов. Такая проблема не входит в нашу задачу. Отметим лишь тот исторический факт, который довольно основательно изменил ситуацию. С появлением научно-экспериментальной психологии в рамках естественнонаучной заметно изменились языковые парадигмы мышления. Таким образом, вместо понятий «дух», «душа» появилось новое понятие – психика. Вскоре оно завоевало широкий простор в концептуальном научном обороте.

Старые понятия «дух», «духовность», «душа» все еще эксплуатируются представителями самых разных областей. Это в какой-то мере оправдано, но лишь в тех семантических ситуациях, когда историческая канва связи разных парадигм обязывает привлечения старых терминов в необходимом контексте с новым.

В нашей философской литературе отражение конкретизируется при помощи таких понятий, как упорядоченность, разнообразие, организация, структура, сложность и т.д. Авторы, предпринимая попытки ответа на вышеуказанный вопрос, отдают личные предпочтения этим понятиям. Мы будем пользоваться, главным образом, понятием упорядоченности, не исключая эвристической ценности остальных вышеуказанных моделей.

В динамическом плане процесс воспроизведения упорядоченности означает способность отражающего тела: 1) откликаться на внешнее воздействие упорядоченным изменением своих состояний; 2) удерживать внутреннюю упорядоченность при непрерывных возмущающих воздействиях внешних причин (если система обладает памятью); 3) реконструировать отраженную упорядоченность для сохранения и развития системы, «стремящейся» к равновесию с окружающей средой; 4) трансформировать извлеченную упорядоченность в программу предстоящего действия.

Если познавательные процессы служат для репрезентации субъекту внешнего мира, для сбора информации и на этой основе принятия решения, то эмоции и воля – для трансформации субъективного в объективное, иначе говоря, высвобождения накопленной внутренней энергии во внешний мир – в жизнедеятельность, необходимую для выживания.

Необходимо различать две формы упорядоченности: 1) упорядоченность, представляющую собой собственную качественную определенность самого материального объекта и 2) упорядоченность как содержание отражения, как конфигурация следа, оставшаяся после прекращения действия стимула. Именно в этом смысле говорят, что отражение как специфическая форма материального взаимодействия представляет собой перенос упорядоченности от одного объекта к другому.

В первом случае речь идет об упорядоченности как совокупности свойств, имманентно присущих самому объекту. Когда мы говорим, что один предмет отличается от другого, тогда в качестве критерия различия можно взять, например, структуру, организацию составных частей, и можно сказать, что эти предметы отличаются друг друга своей внутренней определенностью, упорядоченностью.

Налицо раздвоение единого на две противоположности: бытие предмета самого по себе и его инобытие в другом. Между этими двумя формами бытия лежит различие, которое мы находим между собственной упорядоченностью, извлеченной из предмета без самого предмета. Отраженную упорядоченность можно без колебания рассматривать как онтологический аналог гносеологический абстракции образной репрезентации.

Если отражение определяется как воспроизведение упорядоченности объекта в упорядоченных изменениях состояний субстрата отражения, то следует считать вполне логичным предположение, что и субъективные явления представляют собой в своей незримой сущности особую форму проявления. Упорядоченность, являясь лишь основой инобытия одного объекта в другом, не представлено субъекту в очевидной форме. В жизни мало кто думает об отношении упорядоченности упорядоченному состоянию элементов. В интроспекции они всегда выступают слитно и эта слитность ошибочно воспринимается как тождественность.

Если упорядоченность можно абстрагировать от определенно расположенных материальных элементов, то можно представить себе субъективную презентацию «обнаженной», отделенной от материальных кодирующих элементов и обсудить ее так, как будто она могла существовать без них. Упорядоченность скрыто представляется в субъективной феноменологии, и упорядоченность, воплощенная в физических состояниях мозга, оказались отнесенными к двум разным мирам: духовному и материальному.

Согласно логике движения мысли от явления к сущности, мы должны допустить некоторые промежуточные звенья, расположенные между явлениями сознания и мозга. Проблема связи сознания и мозга – это восстановление недостающих звеньев. Отношение «сознания к мозгу» – это «надводная часть айсберга», за которым скрывается отношение упорядоченности, извлеченной из внешнего мира, к упорядоченному состоянию мозга. Между упорядоченностью (свойством) и ее материальным носителем (субстратом) есть особое отношение, не сводимое к отношению духовного и телесного. Незримость «подводной части айсберга» является серьезной причиной того, что люди не видят своего мозга и того пространственно-временного паттерна нервных импульсов, воспроизводящего незримо упорядоченность стимула. Перед внутренним взором субъекта выстраивается цепочка образов и ассоциация представлений как бестелесных сущностей.

Понятно, что какой бы интуицией ни обладал субъект, каким бы он ни был тонким наблюдателем и аналитиком, он не в состоянии видеть изменения в своем мозгу, происходящие в ответ на внешние воздействия. Можно ли от-

сюда заключить, что субъективный образ существует в «чистом виде», что в пространстве такого образа нет никаких материальных элементов, структуру которых представляет данный образ? Относительно физических изображений в этом вопросе нет разногласий, но когда предстает перед анализом философа мысленный образ, такие элементы «испаряются» из поля зрения в буквальном смысле слова.

Таким образом, на глубоком, сущностном уровне противоположность психического и нейрофизиологического редуцируется к различию упорядоченности и ее материального носителя. За пеленой многообразия и богатства внутренних переживаний мы не видим внутренних механизмов, обеспечивающих эти переживания. Но пугающая воображение сложность субъективного мира не заставит нас отказаться от мысли, что такой «внешней» картиной психической феноменологии скрывается простая сущность – воспроизведение упорядоченности одного объекта в изменениях другого.

Свойство упорядоченности нервной модели стимула и идеальность психической репрезентации представляет собой тождественные реальности. Они отличаются лишь в способах проекций, т.е. являются двумя проекциями одной и той же имплицитной сущности.

§ 3. Внешняя обусловленность и внутренняя генерация психической активности. Является ли теория отражения единственной методологией познания сущности и психики?

Уже при определении восприятия мы указываем, что это форма отражения внешнего мира, доставляющая субъекту информацию о предметах и явлениях в их целостности и дифференцированности друг от друга. Иначе говоря, это форма непосредственного живого созерцания внешнего мира, при помощи которой обеспечивается предметное сходство впечатлений с действительностью, необходимое для организации адекватных действий субъекта в предметном окружении. Даже при определении познавательных процессов теория отражения, будучи эффективной методологией, оставляет в тени регулятивную активность психики. Даже в ощущениях качественное, «предметное» соответствие между впечатлениями и действительностью, как правило, маскируется срабатыванием внутренней причины биологической «значимостью» раздражителя для выживания. Природа ощущения такова, что даже и при этих условиях оно не перестает быть адекватным внешнему стимулу. Конечно, субъект в первую очередь осознает биологическую значимость раздражителя, а лишь потом когнитивную ценность.

Предметное сходство впечатления и раздражителя – это уже результат сложной многоступенчатой переработки (фльтрации) сенсорной информации. Именно в этом заключается познавательная ценность восприятия, завершающегося, как правило, принятием решения, т.е. операцией, определяемой обычно как функция волеизъявления.

Восприятие как форма живого созерцания является фундаментальной функцией мозга. Основная масса, особенно «поверхность» мозга предназначена именно для восприятия окружающего мира, для репрезентации его на

нейродинамическом «экране». Всей своей сложной конструкцией мозг приурочен функциям отражения и поэтому функционирует нормально лишь при постоянном контакте с внешним миром и непрерывном отражении его. Лишь благодаря непосредственному контакту с явлениями внешнего мира мозг снабжает личность адекватной информацией.

У человека познание посредством чувств не выступает в изолированном виде, например, в виде чистого восприятия. Человеческое восприятие опосредовано опытом, накопленным предшествующими поколениями, опытом всего человечества, выраженным и закрепленным в языке, словах. Освоение человеческой речи вносит существенное изменение в содержание чувственного опыта человека. В чувственное познание всегда вторгается рациональное мышление как внутренняя инициация рациональной обработки данных органов чувств. Такой универсальной формой выражения внутренней активности является слово. Мы не только видим предметы, фиксируем их органами чувств, но и выносим их в окружающий мир.

В лице современной психологии и нейрофизиологии философская теория отражения получила поразительные подтверждения. Достижения этих наук в связи с развитием космической медицины и техники изобразительных средств представляют собой триумфальное шествие теории отражения.

Положение о том, что для нормального функционирования мозга и ориентации субъекта во внешнем мире требуется постоянное поступление извне сенсорной информации, подтверждено прямыми экспериментальными данными.

Мозг сам по себе без поступления сенсорных впечатлений не может обеспечить организации нормального отражения своего окружения и самого себя, не может координировать разнообразные двигательные функции и тем совершить осмысленные поступки.

Постоянная связь с внешним миром, постоянный приток сигналов нужен мозгу для того, чтобы извлечь из него для себя упорядоченность, что в свою очередь необходимо для постоянной верификации продуктов собственной активности (фантазии), сличения их с эталонами проверенной практикой объективной информации. Без этих эталонов, без постоянного энергетического и информационного контакта с внешним миром, мозг перестает быть тем, чем он является, т.е. органом адекватного отражения действительности. Поэтому трудно понять его функции без творческого, эвристического использования теории отражения.

Репрезентацией (отражением) является не само взаимодействие, носящее чисто энергетический характер, а те изменения в отображающей системе, которые представляют собой перенос упорядоченности от одного объекта к другому объекту. «Усвоение» свойств, особенностей отражаемого реципирующей системой происходит за счет исключения, «снятия», элиминирования физических, вещественных характеристик взаимодействующих объектов. Такая операция и составляет объективную основу для формирования понятия отражения.

Так, наблюдая за окружающей средой, мы получаем не вещество объектов, а лишь информацию об их свойствах. Как состояние отражающего аппарата (нервов и мозга), так и вещественность объекта отражения «сняты», элиминированы.

Отражение многообразно, оно имеет много видов и уровней. В первую очередь необходимо различать два больших вида отражения: отражение в неживой природе и в живых системах.

Все виды отражения в живых системах по своему активны, т.е. в том смысле, что в конечном счете трансформируются в действия, предназначены для достижения приспособительного эффекта. В первую очередь это проявляется в направленности психики во внешний мир. Интенциональность потенциально заключает в себе избирательность. Избирательность отражения продиктована внутренними причинами — диспозиционной организацией отображающей системы.

В ходе прогрессивной эволюции под влиянием усложняющейся среды и формы жизни происходит дальнейшее развитие «агрессивных» способностей организма. Теперь возникает жизненная потребность реагировать не только на те воздействия среды, которые непосредственно участвуют в его ассимилятивной деятельности, т.е. поддержании жизни организма, но и на такие воздействия, которые сами по себе прямо не имеют жизненного значения. Но последние раздражители, имея связь с нервами, сигнализируют организму о жизненно важных объектах и поэтому опосредованно служат выживанию.

Объективной причиной становления психической формы отражения являются противоречия между изменившимися условиями жизни и субъективными ожиданиями живых существ. Психика является продуктом прогрессирующего способа разрешения противоречия. Она имеет реальное значение для ориентации в окружающей среде, пронизанной случайностями и неожиданностями, и лишь мудрое решение противоречия обеспечат организации адекватного поведения в ней.

Живое существо, способное в своих действиях различать в окружающей среде, что является существенным, а что — несущественным и переменным, должно отражать мир не только в форме предметных образов, но и в формах удовольствия или неудовольствия, продиктованных внутренними причинами.

Другой особенностью активности и действенности психики является организация когнитивных процессов под углом зрения текущих потребностей организма и в соответствии с внутренними задачами, стоящими перед внешним наблюдателем.

В иерархии познавательных процессов восприятие составляет лишь определенную так называемую чувственную ступень отражения. Восприятие, доставляя личности текущую информацию о явлениях внешнего мира, служит каналом непосредственной связи сознания с окружающей средой. Мышление человека немыслимо вне этой связи, без той информации, которую получает человек при помощи восприятия. И, наоборот, восприятие человека не существует в «чистом» виде. Даже в тех случаях, когда субъект просто на-

блюдает явления внешнего мира, он мыслит, т.е. проявляет внутреннюю активность, переводя результаты своего наблюдения на язык мыслей. Когда мы говорим об организации субъектом практических действий, мы имеем в виду обусловленность этих действий не только непосредственным контактом субъекта с объектом, но и целостным функционированием сознания за счет внутренних резервов личности.

Загадочная активность психики не может быть разгадана лишь благодаря приложению к ней методологии теории отражения. Как бы мы не наделяли отражение активностью, она так и остается лишь отражением. В этой связи активность, ни с чем не сравнимая, остается в тени. Психика – это не только репрезентация, но и спонтанность. Будучи следствием внешних причин, психика приобретает свою основную функциональную характеристику – спонтанность, порождающую внутриспсихическую причинность.

Мозг работает в двух режимах: восприятия информации, поступающей извне, и генерации информации, необходимую для ориентации человека в окружающем мире. Не только мозг, но и сознание испытывает напряженность, разряжающуюся лишь после выхода психики к исполнительным органам. Трудно себе представить феномен озарения без другого феномена, без спонтанности.

§ 4. Идеальность и действительность психики. Идеальность, иначе говоря, нематериальность как общепризнанная характеристика психики до сих пор является кардинальным препятствием на пути к решению проблемы регулятивной ее функции. На эмпирическом уровне нет проблемы. Проблема возникает при теоретическом ответе на вопрос: каким же образом нематериальная психика может быть причиной материальных следствий?

Категория идеального – гносеологическая абстракция, отвлеченная от интроспективной видимости феномена психического образа. К сожалению, из-за того, что многие авторы почти отождествляют в данном случае абстракцию с ее эмпирическим феноменом, реальность, существующая на уровне видимости, воспринимается ими как самодостаточная реальность. Идеальное – результат двойного отвлечения от реальности: 1) как категория, т.е. абстракция от интроспективного феномена видимости и 2) как феноменальная видимость, отвлеченная от нейроотражения.

Ниже предпринимается анализ феноменологии отражения под углом зрения идеи относительности, обсуждается природа идеального с выходом за пределы гносеологии и наук о духе человека. Феномен идеального, рассматриваемый как эффект относительности, имеет не только гносеологический (психологический), но и широкий онтологический статус существования.

Не без основания говорят, что зеркало, как и мозг, есть материя, но в зеркальном образе нет и частицы материи. Зная это, ни один разумный человек не станет, подобно обезьяне, искать себя за зеркалом.

Действительно, мир и мираж, изображающий этот мир, – две формы реальности. Было бы в высшей степени неразумно принимать их за один и тот же объект и не находить между ними различия.

По своему предметному содержанию предмет и изображение тождественны, но в то же время и различны. Они тождественны на феноменальном уровне своего существования, но различны по субстрату. Предмет наделен собственным субстратным бытием, существует в «своем теле» в виде вещества или какого-нибудь физического поля, а его «двойник», данный в изображении, лишен своей субстратности, поэтому он называется бестелесным. В самом деле, «двойник» в принципе не может существовать без какого-либо материального субстрата, но это не входит в противоречие с принципом конкретности истины. «Двойник» лишен не всякой субстратности, а лишь субстратности своего оригинала. Эффект предметной реальности или эффект присутствия, сопутствующий, например, восприятию кинокартины, является очевидным свидетельством «регионального» тождества. «Нематериальность», «бестелесность», «неосвязаемость» теней, проекций, миражей и иных форм физических отражений в принципе ничем не отличаются от идеальности (точнее, «бестелесности», «сверхчувственности» и т.д.) «предметного мира», данного субъекту в интроспекции.

Таким образом, эффект «нематериальности» во всех сферах отражения имеет один и тот же механизм, одну и ту же природу. Это положение фундаментально значимо для решения проблемы материального единства мира. Из него следует, что не только предмет, изображенный на картине, но и предмет, данный личности во внутреннем плане его сознания в «чистом» виде, не выходит за рамки материального единства мира. Субъект, сличающий психическую реальность с реальностью внешнего мира, имеет дело не с абстракцией души, лишенной предметного содержания, а с конкретными формами его существования — мысленными образами предметов и явлений внешнего мира. Отсюда следует, что человек сравнивает не просто беспредметное сознание с предметным внешним миром, а «внешний мир внутри нас» с «внешним миром вне нас». Первый из них получил название идеального, а второй — материального, точнее, сравниваются два «экземпляра» одного и того же предмета: воображаемого и реального.

Таким образом, при различении материального и идеального сравниваются не две субстанции, а лишь две формы существования бытия: бытия самого по себе и его изображения, различающихся в актах отражения. Употребляется для обозначения «предметного мира», представленного в голове человека как содержание психического отражения. Именно для характеристики «мира внутри нас», его отличия от мира, существующего вне нас, они широко употребляют понятие идеального. Идеальное — это тот же самый «внешний» мир, только «пересаженный» в голову человека и преобразованный в ней. Больной, страдающий галлюцинацией, не различает этих миров. Мир, «пересаженный» в его голову, он принимает за реальный.

Характеристика идеальности должна быть дана с учетом конкретности истины, т.е. с учетом той конкретной ситуации, в которой она действительна. Она существует не вообще, а в узких рамках реальности, определяемых, во-первых, «полномочиями» интроспективного подхода и, во-вторых, ситуацией

относительности. Идеальной называется не всякая презентация объекта, а лишь изображение объекта в сознании человека. Это продиктовано историей формирования общественного сознания в целях четкого различения мира «внутри нас» и мира «вне нас».

Оригинальная концепция идеального представлена в трудах Г. Х. Шингарова. Она может быть хорошей иллюстрацией того, что феномен идеального может быть представлен, не впадая в «дуализм», или «параллелизм» психического и физиологического.

Известно, что организм (нервная система) больше всего имеет дело с релевантными стимулами. В них содержится «значение» и «смысл», необходимые для выживания, к таким стимулам относятся условный и безусловный раздражители. Значение релевантных сигналов не сводится к механизму внешнего толчка. В восприятии этих сигналов имеется также свой субъективный, если так можно выразиться, «нематериальный аспект».

С точки зрения теории отражения «идеальное» – это не прерогатива субъективно-психологического. Даже условный сигнал (знак) содержит в себе «в снятом виде» действие безусловного раздражителя. В этом «снятии», в этой идеализации безусловного раздражителя в сигнале и заключается «идеальная» «психологическая» характеристика сигнала. На языке информационной концепции в нейрофизиологии это означает, что в памяти мозга хранится информация о значимости безусловного раздражителя (образ будущего подкрепления). В мозгу происходит уподобление («отождествление») информации условного сигнала с информацией безусловного раздражителя.

Нейтральный раздражитель приобретает значение сигнала, лишь входя в определенные отношения с потребностями, представляющими собой сообщение о нарушении меры в биоконстантах организма. С этой точки зрения «идеальность» есть не что иное, как отношение, складывающееся между материальным знаком (условным раздражителем) и безусловной реакцией.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, резюмируются его основополагающие выводы и результаты.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

Министерства образования и науки РФ:

1. Тихонов, А. С. Целостность психического и национального / А. С. Тихонов // Регионоведение. – № 3. – 2008. – С. 264-271.
2. Тихонов, А. С. Основной вопрос философии в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» / А. С. Тихонов // Регионоведение. – № 4. – 2008. – С. 75-78.
3. Тихонов, А. С. «Нематериальность сознания» в материалистической философии / А. С. Тихонов // Личность. Культура. Общество. – Т. XI. – Вып. 1. – №№ 46-47. – 2009. – С. 290-295.

4. Тихонов, А. С. Взаимосвязь физического и ментального: каузальное объяснение / А. С. Тихонов // Личность. Культура. Общество. – Т. XI. – Вып. 2. – №№ 48-49. – 2009. – С.317-323.

5. Тихонов, А. С. Менталитет этноса как морально-психологический фактор жизнедеятельности народа / А. С. Тихонов // Регионоведение. – № 2. – 2009. – С. 292-296.

6. Тихонов, А. С. Идеальность и действенность психики / А. С. Тихонов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – № 1. – 2009. – С. 43-51.

7. Тихонов, А. С. Проблема взаимодействия психического и телесного во взглядах Декарта, Лейбница, Спинозы в истории философии / А. С. Тихонов // Вестник Чувашского университета. – № 4. – 2009. – 0,57 п.л.

Монографии:

1. Тихонов, А. С. Проблема причинности во взаимоотношениях души и тела / А. С. Тихонов. – Чебоксары: Чебоксарский институт экономики и менеджмента (филиал) СПБГПУ, 2008. – 195 с.

2. Тихонов, А. С. Психосоматическая целостность организма в теории и практике / А. С. Тихонов. – Чебоксары: Чебоксарский институт экономики и менеджмента (филиал) СПБГПУ, 2009. – 62 с.

Публикации в других научных изданиях:

1. Тихонов, А. С. Роль духовных факторов жизнедеятельности организма / А. С. Тихонов // Вестник Чувашского и Марийского отделений Российского философского общества. – Чебоксары–Йошкар-Ола: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 119-124.

2. Тихонов, А. С. Проблема эмоций и взаимодействие наук, изучающих психическую деятельность человека / А. С. Тихонов // Педагогический процесс и особенности его организации в условиях регионально-национального образования : сб. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. – М.-Чебоксары, 2008. – С. 84-87.

3. Тихонов, А. С. Научно-материалистическое понимание причинности, обеспечивающей воздействие психики на жизнедеятельность организма / А. С. Тихонов // Организация педагогического процесса в условиях регионально-национального образования : сб. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. – Чебоксары, 2008. – С. 163-169.

4. Тихонов, А. С. Эмоции и проблема единства физиологического и психического / А. С. Тихонов // Формирование личности учителя в условиях регионально-национального образования : сб. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. – Чебоксары, 2008. – С. 134-138.

5. Тихонов, А. С. Психофизиологическая проблема (философский аспект) / А. С. Тихонов // Вестник Чувашского и Марийского отделений Российского философского общества. – Чебоксары–Йошкар-Ола: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 59-65.

6. Тихонов, А. С. Чувства, эмоции и психические заболевания / А. С. Тихонов // Сб. ст. «Научные труды преподавателей ГОУ ВПО «Санкт-

Петербургский государственный политехнический университет «Чебоксарский институт экономики и менеджмента (филиал)». – 2003. – С. 158-164.

7. Тихонов, А. С. Современные представления о соотношении психического и физиологического / А. С. Тихонов // Сб. науч. тр. студентов и преподавателей Чебоксарского института экономики и менеджмента (филиал) СПбГПУ. – Чебоксары: Чебоксарский институт экономики и менеджмента (филиал) СПбГПУ, 2009. – С. 67-71.

8. Тихонов, А. С. Психосоматические расстройства / А. С. Тихонов // Сб. науч. тр. студентов и преподавателей Чебоксарского института экономики и менеджмента (филиал) СПбГПУ. – Чебоксары: Чебоксарский институт экономики и менеджмента (филиал) СПбГПУ, 2009. – С. 64-67.

9. Тихонов, А. С. Соматические процессы и психика / А. С. Тихонов // Сб. науч. ст. «Педагогический процесс и проблемы его организации». – Вып. 1. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 225-227.

Подписано в печать 22.07.09. Формат 60х84 /16.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 2,1. Тираж 110 экз. Заказ № 428015.

Отпечатано в типографии ФГОУ ВПО
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
428015, Чебоксары, Московский проспект, 15

10-